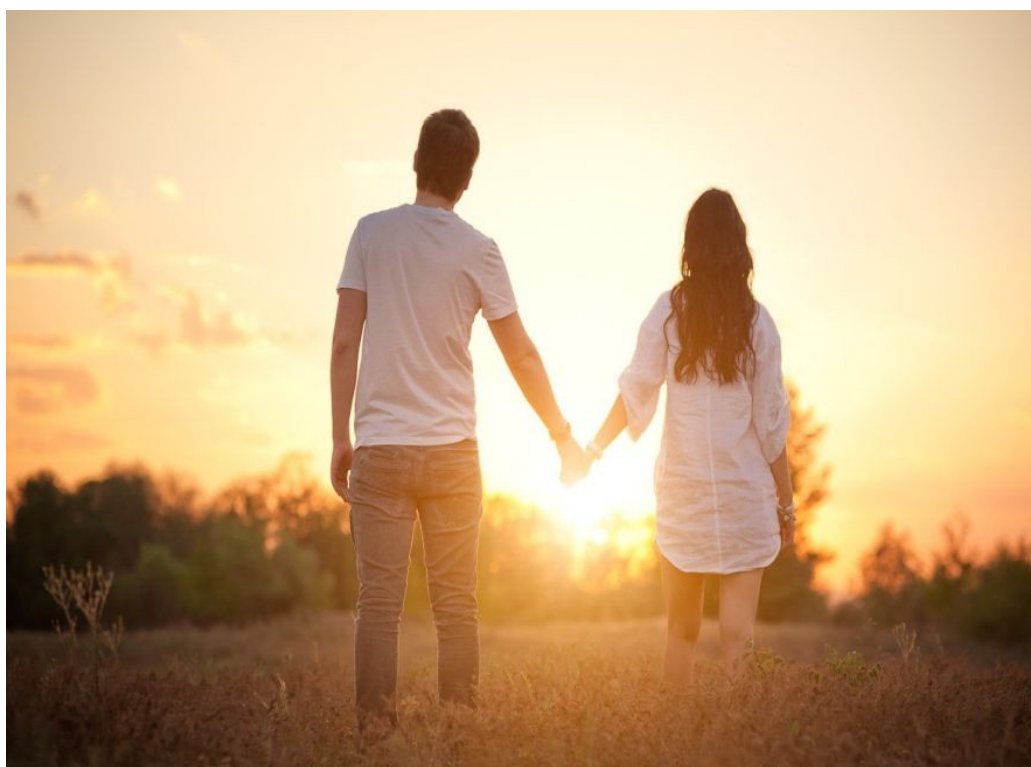

ЛИДИЯ ПОПКОВА

***ТЫ НАЗОВИ МЕНЯ
СОЛНЫШКОМ...***

(РОМАН)

2021

Попкова Лидия Николаевна

р.п. Каргаполье

Попкова Лидия Николаевна родилась в р.п.Каргаполье. Получив высшее педагогическое образование, преподавала литературу в сельском профтехучилище. В 1982 году семья переехала в р.п. Каргаполье. Работала журналистом в районной газете "Сельская правда". Стихи пишу с детских лет. Являюсь членом районного творческого объединения «Светлые поляны». Выпустила 11 личных сборников: «Две Лидии», «Рябиновые бусы», «Край берёзовый», «След на земле», «Предзимье», «Под созвездием Стрельца», «Заколдую рифмой слова», «Земли моей живые родники», «У деревни русская душа», очерк «Надеждина судьба», «Синеокая Русь моя...». Стихи публиковались в коллективных поэтических сборниках ТО «Светлые поляны»: «Межа», «Созвездие», «Колосьев шум», «Память сердца», «Горькой памяти след», «Закатные зори», «Наедине с собой», «У каждого своя тропа», «Себя находим мы в стихах» и других, в областных журналах «Сибирские огни», «Огни Зауралья», в газетах «Новый мир», «Зауральский ветеран».

С августа 2011 года член Российского союза профессиональных литераторов.

«За домашними хлопотами Марина и не заметила, как углубилась в детские свои воспоминания. Тут же ощутила, что она улыбается. Какая всё – таки замечательная штука - Память! Она даёт человеку возможность вернуться в такое реальное прошлое. Правда не всегда это прошлое бывает счастливым и светлым. Случается, что возвращает она и горькие моменты. Но всё равно хорошо, что есть память. Ведь в ней можно вернуть многое...»

В произведении прослеживается судьба главной героини – Марины Быковой – Поповой, её семьи, друзей. Она встречается и с радостями и огорчениями. Но всегда находит душевные силы, чтобы оставаться доброй и светлой, беречь главное богатство – душу человеческую.

Утреннее солнце по – весеннему улыбалось, заглядывая в окно. И совсем ничего, что лежали высоченные сугробы. На календаре всё равно уже март. А стало быть – весна! Днём уже начинает весело звенеть капель. «Дзинь...Дзинь...Дзи – и -и...нь!» певуче сыплет она с крыши. А асфальт покрывается мокрыми лужицами, в которых радостно переливаются солнечные тёплые лучики. Кажется, эти лужицы улыбаются, отражая и чистое небо, и яркое солнце, и весело плещутся в тех лужицах воробышки.

Снегу в эту зиму выпало немерено, оттого и образовались такие высоченные сугробы. Должно быть, чтобы их растопить, надо столько тепла! И всё – таки оно непременно настанет. Уже недолго ждать осталось. Недаром ведь солнышко так тепло в небе улыбается. И воробы не зря так бесшабашно расшумелись.

Сегодня на птичьей кормушке увидела Марина незнакомых пташек: чуть – чуть крупнее воробья, а на крылышках яркие жёлтые полосы, похожие на вспышки молнии, вокруг клювика – красная окаёмка. Красивые! Оказалось, называются они щеглами. Недавно, также впервые, посетили птичью столовую чечётки. Марина нашла их название в Интернете. А вот сегодня новые гости – щеглы.

На душе у Марины было тоже солнечно. И радостно. Что, кстати, в последнее время случалось не часто. «Замучила депрессуха!» - сетовала Марина. Но никому не хотелось

жаловаться на своё постоянное паршивое настроение. «Кому это нужно? - успокаивала она сама себя. – Твои проблемы. Ты и переваривай. А других нечего напрягать!» и молчала, «переваривая» свою депрессию. А вот сегодня, надо же, настроение радостное! Пора уже и рассаду сеять. Весенние дни быстро летят. Не успеешь оглянуться, как настанет время на огород выходить. Уже вчера Марина сделала «ревизию» в семенах. Сегодня – день для посева помидор на рассаду благоприятный по лунному календарю. Значит надо успеть посадить их в специально принесённый для этих целей контейнер. Это время весеннего сева рассады она любила. Уже задолго от начала его, уже в зимние дни, начинала обдумывать, какие культуры будет сеять, какие цветочные семена следует посадить. И в цветнике планировала будущие клумбы, и как разместить цветы, какие из них выбрать, а какими не стоит засорять цветник.

Она приняла решение, что в этом году много овощей садить не будет.

- Ты это каждый год говоришь, – скептически заметил Сергей. – А сама опять понасадишь столько, что осенью не знаешь как успеть прибрать. С заготовками возишься целыми днями.

Да, что ни говори, а муж прав. Всё то, что выращивалось на огороде, она прибирала полностью: солила, мариновала, сушила, варила, морозила. Целыми днями резала, шинковала, молола на комбайне, ручной мясорубке...Вообщем, не знала ни отдыха, ни покоя. В холодильнике не оставалось свободного от банок с заготовками места. Чего тут только не было: лечо, солянка, аджика, кабачковая икра, заправки для борща, щей, рассольника, овощные заготовки с рисом, гречкой, хренодёр, капуста маринованная в банках и прочее – прочее. Кроме того варенья, повидло, протёртые ягодные конфитюры. Последнее время стала уставать. Потому и приняла решение: садить меньше! Однако, всё необходимо: лучок, морковочка, свёкла, огурцы, помидоры...Вот и получается, что всё лето опять за прополкой пройдёт.

От корней своих была Марина женщиной деревенской. В деревне родилась, выросла и всю жизнь тут прожила. Окончила школу, начала трудовой путь. Тут были её лучшие подруги, родные люди. Правда, теперь тут не деревня, а посёлок городского типа. Хотя что здесь городского – то? Асфальтированная центральная площадь с незатейливым фонтанчиком, редко работающим, несколько улиц с асфальтом, да парк отдыха с малочисленными простейшими аттракциончиками и каруселью в виде лебедей. Несколько магазинов с современным названием «Супермаркет». Дома - в основном одноэтажки частного сектора. Трёхэтажки сосчитать можно. Имелись, конечно, объекты культуры и спорта: кинотеатр, районный культурно – досуговый центр, стадион и школы, в том числе спортивная и искусств. Одним словом, до города ещё очень далеко. Однако, тем не менее, расположен посёлок в красивейших местах – среди зелёных сосновых боров, смешанных лесов, берёзовых колков, многочисленных голубых озёр. И называется красиво – Онежский. По истории возникновения значится, что образовано поселение более 300 лет назад переселенцами с архангельщины, с реки Онеги. Знать оттуда и название пришло. Правда Онегиных в поселении отродясь не бывало, но указывающих на далёкие архангельские края фамилий предостаточно: Поповых, Абрамовых, Богдановых, Кузнецовых, Быковых, Овечкиных, Кошкиных, Житниковых, Кокшаровых и многих других, пришедших с северных округов, уездов той земли. Истоки тех фамилий довольно интересны и, порой, несут в себе далеко иное толкование, что придают им современные их обладатели. И встречались они в те далёкие времена в самых глухих уездах архангельщины. Вот и её корни – Марины Быковой – были оттуда.

Фамилия Быковых довольно древняя, считает своим предком Василия Быкова, который, являясь псковским сановником, приезжал из Пскова к Иоанну III, аж в 1471 году! А воевода Устюжского полка. Степан Быков упоминается в походе на Казань в 1469 году.. Фамилия имеет дворянские корни. Но это совсем другая и долгая история. Но то, что является она производной от слова Бык – это вполне закономерно. Об этом Марина очень много читала. Территория её распространения тоже огромна, но на архангельщине носителей фамилии немало. Если верить воспоминаниям бабушки, что уверяла когда – то Марину, когда она была ещё подростком, то по рассказам предков были они выходцами с реки Пинеги из одноимённого поселения, история основания его, по примерным подсчётам исследователей, относится к 11 веку. В любой энциклопедии можно прочитать, что первое письменное упоминание о Пинеге относится к этому периоду. Краеведы северного края возраст села отсчитывают от грамоты 1137 года новгородского князя Святослава Ольговича (сын знаменитого князя Олега героя "Слова о полку Игореве" и отец князя Игоря), в которой говорится о Пинеге. Были те люди сильными и вольными. И, как утверждала бабушка, упрямыми, как быки. Уж откуда бабушка знала историю своих предков, Марина не ведала, но рассказывала та много интересного. Предки, попав в здешние края, где к тому времени уже обосновались выходцы с Онеги, принялись распахивать землю, строить дома, осваивать территории. Тогда-то и поселилась в Онежском семья Серафима Быкова, роботного землепашца, мужика угрюмого и молчаливого. И пошёл род Быковых.

«Мы, Быковы, - уверяла бабушка Пелагея, - из рода сильного, и чаво надобно завсегда добиваемся. К тому же не лежим, не потегамся, а всё на земле топчёмся.» Оттого, знает от неё Марина, что дед был в числе тех, кто в годы коллективизации организовывал совместную работу сначала коммуны, а потом и колхоза. И на фронте защищал он эту землю – кормилицу.

И Марина гордилась своими предками. Даже подумывала родословную написать, да всё никак не могла решиться. Честно сказать, не любила она рыться в истории, искать истоки, да и не знала всех подробностей генеалогии Быковых. Так и довольствовалась тем, что знала, да помнила из рассказов – воспоминаний бабушки Пелагеи.

Детство у послевоенных ребяташек было счастливое. Их воспитывала улица. Бесконечные игры на свежем воздухе. Шумные, в постоянном движении, в беготне, они давали нескончаемый заряд энергии. Поэтому росли дети здоровыми, весёлыми. Зимой штурмовали снежные крепости. До темна резвились на горках, катаясь на деревянных санках. Домой возвращались в обледеневших шароварах, натянутых на такие же обледеневшие пимы, в мокрых рукавицах и в сплошном снегу лопотинах. Забравшись на горячую печь, громко швыркались носами. А, обогрившись, опять убегали в снежный рай улицы. И снова слышались их звонкие голоса, залихватский смех. И опять кому – то покорялись высокие вершины снежных городков, летели с горки санки.

А уж лето было настоящим раздольем! Игры с мячом, верёвочные скакалки, прятки – стрелочки, походы в ближайшую берёзовую рощицу за лесными дарами, в глубокие овражки на Онежских холмах, купание в речушке Онюшке, где можно вдоволь поваляться на горячем мелком жёлтом песке и порезвиться в тёплой, будто парной речной воде.

Улица воспитывала в детях чувство дружбы, взаимопомощи. Нередко, собираясь вместе, организовывали прополки огородных грядок у кого – либо из друзей, если родители давали задание обязательно выдергать сорняки, или дружно всей ватагой поливали высохшие грядки, или складывали в поленницу наколотые у кого – то дрова. Такая взаимопомощь являлась, будто продолжением игр. Делалась весело, легко, быстро. А уж встретить вечерами деревенское стадо и угнать домой свою корову – кормилицу, являлось заботой и обязанностью ребяташек. Также как и пасти на весенней полянке гусей да уток с желторотыми пушистыми цыплятами, охраняя их от хищных коршунов, что норовили поддеть и унести в когтях маленькие жёлтенькие комочки гусят, да утят. Бегаючи по зелени приозёрного лужка, дети, заведя в небе чернокрылого хищника, отчаянно махали прутьями и кричали в высь: «Брысь! Брысь! Улетай! И цыплят не пугай! То получишь кнутом! Окосеешь потом!» И коршун, услышав угрозу, убирался прочь.

Так и формировала улица детские характеры. Вырастали дети дружными, отзывчивыми, трудолюбивыми людьми. Шагали по жизни уверенно, твёрдо. Любили свою малую родину, отчий дом, уважали старших.

- А чо, Глебка, слабо тебе в лыве искупаться?

Тайка хитро прищурила глаз и поджала тонкие губы. Поджала, чтобы спрятать ухмылку. Они с Олькой и Танькой стояли на краешке огромной лужи, которая всегда образовывалась после летних дождей вблизи дома Богдановых.

Глебка Кошкин, младший Олькин брат, сидел у самого краешка воды, пытаясь запустить маленькую щепочку коричневой сосновой коры, символизирующую кораблик. Сверху на коре был укреплен на тонкую лучинку белый листочек промокашки, что имелась в каждой школьной тетрадке. Это был, по мнению Глебки, парус. Кораблик и впрямь был красивенький. Глебка смешно супил брови и вытягивал губы, пытаясь дуть на кораблик, чтобы он плыл. Слова Тайки навели его на мысль, что если он войдет в лужу, то может поставить кораблик в самую её середину.

- Чо слабо – то! – возмущенно ответил Глебка, - я не трус. Запросто искупаюсь!

- Ну, давай, - подзадоривала Тайка. А Олька с Танькой с интересом смотрели, в ожидании что же будет дальше.

Глебка встал, поправил майку на плечах, подтянул короткие штанишки, на поясе которых болталась прицепленная материнская медаль, полученная ею на фронте. И твердо шагнул в лужу. Медаль чуть позванивала, а Глебка шагал вперед, чувствуя под ногами теплую воду и мягкое травянистое дно. В руке он нес свой белопарусный кораблик. Он дошел почти до середины лужи. Присел. Поднялся. Опять присел. Вода ласково обнимала его плечи. Он даже глубоко вдохнул, набрав воздуха, захватил нос и погрузился в лужу с головой. Вынырнул и картинно затряс головой, отпыхиваясь. Девчонки, подхватив животы, хохотали.

- Молодец, Глебка! Во рассмешил! Теперь ты лывоплаватель! Тебе море по – колено!, - сыпала Тайка.

Мокрый Глебка выбрался из лужи и поправил свою медаль на поясе. Он нацепил её тайком от матери. Она хранила её вместе с другими наградами родителей в расписной коробочке из – под чая на верхней полочке в шкафу. И отец и мать Кошкиных были фронтовиками. Имели много наград. Их уважали в селе.

- Чо ржѐте, коньки? – глядя на девчонок, молвил Глебка, - ишь смешно им! А самим – то слабо искупаться! У меня, эвон, орден есть! Стало быть, я – герой! А вы, чувички, ржѐте! И гордо пошагал домой, позванивая медалью.

- Счас мамка ему задас. И за медаль и за купание. Герой! – констатировала ситуацию. Олька.

Платье у Танюхи было просто загляденье! Голубое, с мелкими белыми цветочками, с короткими рукавчиками, собранными на резиночках в пышные фонарики, очень лёгкое, с длинным пояском. Воздушное, ситцевое, оно казалось просто сказочным. Танюха крутилась в нём у зеркала, расправляя лёгкие складочки пышного подола, завязывала пояс, то бантиком, то распускала. Фонарики рукавчиков поддёргивала вверх, делая пышнее. Бабушка Уля смотрела на неё с улыбкой. И вместе с нею радовалась обновке.

- Баб, можно я в нём погуляю? – подбоченься вымолвила Таня.

- Погуляй, деточка! – кивнула головой бабушка, - Только не замарай. Береги платьице. На праздник в гости в нём пойдѐм.

- Ура! – запрыгала Танюха, обнимая бабушку.

Кто – кто, а уж она – то знала, что справить новое платье внучке для неё дело нелѐгкое. Воспитывала её бабушка Ульяна одна. Надо и одеть – обуть и прокормиться. А зарплата – то у секретаря сельсовета невелика. вот и приходилось экономить на всѐм.

Танька выбежала на крылечко. Спрыгнув на полянку, быстро понеслась через огород на маленькое озерко. Называли его маслозаводским, поскольку вытекали в него очистные воды с предприятия. Маслозавод работал в селе с давних пор. Тут имелись свои давние традиции, сформировались трудовые династии, вырос даже свой посѐлочек, где проживали исключительно рабочие, специалисты, да руководство завода. Небольшой парк с пышными кустами сирени, прямыми широкими аллеями и удобными скамеечками, был излюбленным местом отдыха. А фруктовый сад радовал обилием вкусных яблок, крупной малины, чѐрной смородины, вишни. Были даже несколько грушевых деревьев. Маслозавод имел несколько производственных цехов и лабораторию. Многие сельские жители трудились на предприятии. Танюшка ещё издали увидела кучку стеклянных обломков на берегу озерца. Солнечные лучи, отражаясь в стекле, излучали яркие отблески. Казалось, они горят звѐздной россыпью. Девчушка присела на колени у горки стѐклышек и начала их бережно и осторожно, чтоб случайно не пораниться, перебирать. Некоторые были почти целыми, лишь с трещинами. Выбрав колбочки, пробирочки и прочие приборчики, Таня сложила «богатство» в подол платьица и направилась к воде, чтобы промыть склянки и унести их во двор, где хранились разные черепки – игрушки.

На бережке она бережно высыпала стекляшки из подола и с удивлением и страхом обнаружила, что по всему подолу сияли маленькие дырочки, будто едучий дождик обрызгал платьице. Невдомѐк было ей, что на тех скляночках сохранились, по – видимому, брызги серной кислоты, используемой в лаборатории маслозавода при проведении некоторых анализов. Она – то и стала причиной образования дырочек. Танюха плакала горько и безутешно. Но что делать? Что сделано, то сделано.

Во дворе баба Уля поливала цветы. Танька подошла к ней и с отчаянием прошептала:

- Баб..., я платьице порвала...

И раскинула решетчатый подол.

- Божечки! - вскрикнула бабушка, - где ж ты так «испулемётилась», горе моё!

- Там у озера. Бутылочки собирала...

Бабушка сразу догадалась о происхождении тех «бутылочек» со страхом схватила Танькины руки. Развернула их вверх ладонками. Внимательно осмотрела.

- Слава тебе, Господи, хоть руки отработкой не обожгла.

Она спешно сняла с внучки новое платьице и, скомкав, бросила в стоящий поблизости большой таз со щепами для бани. Только в печь теперь дорога новому наряду...

Годы детства Марина помнила до подробностей. А этот день отчего – то просто врезался в память. Было им лет по 8 – 9. Играли в куклы у Таньки в комнатке. Вдруг, подобно ветру, влетела Алька – старшая Ленкина сестра. Возбуждённая, с сияющими огромными глазами, она буквально огорошила девчонок:

- Играете! А у нас дома чудо! Такую штуку повесили! Повернёшь - и вспыхнет светло! А обратно повернёшь и потухнет! Пошли глядеть!

Всех будто ветром сдуло. Даже через калитку не побежали, через забор покарабкались. В комнате стоял большой стол. А над ним висел чёрный, скрученный спиралью провод, на конце которого располагался такой же чёрный стаканчик – патрон, а в нём похожая на грушу стеклянная штука. На столе лежала сшитая рукавичка.

- Вот!- объясняла Алька, - надо крутануть стекляшку и будет светло! Только обязательно надо надеть эту рукавичку! А то огонь руку обожжёт!

Она напялила рукавичку и продемонстрировала «чудо». Недолго думая, Ленка подвинула к столу табуретку и вскарабкалась на стол. Выхватила рукавичку и, надев её огромную на свою ручонку, крутанула грушу - стекляшку. Внутри её вспыхнули тоненькие ниточки - проводки и стало светло. Она повернула «грушу» назад и ниточки погасли. Девчонкам тоже хотелось покрутить чудо на чёрном проводе.

- Не дам! – встала на их пути Алька. – Идите домой! У вас тоже такое есть. Вмиг смело девчонок в разные стороны, они понеслись по домам. Марина влетела в сени и резко рванула дверь в избу. Но под белым потолком не было кручёного провода и чёрного патрона с грушей. И на столе не было волшебной рукавички. Мама с нескрываемым любопытством глядела на дочурку.

- А где «чудо»? – разочарованно молвила Маринка, ткнув пальцем в сторону потолка.

- Да пока не подключили нашу сторону, - догадалась мать. И добавила, улыбаясь:

- Завтра и у нас будет.

Так в деревню пришло электричество. Но ещё долго любила Марина привычную пузатенькую лампу, что стояла в уголке стола и в тёмное время суток ласково освещала комнату. Как теплился в ней мерцающий фитилёк за причудливо выгнутым круглым

стеклом, похожим на дутый фонарик. А на потолке отражался ровный яркий кружок из света. И хотя новое электрическое освещение было поистине чудом – яркое и тёплое, Маринка скучала по керосиновой лампе, по маленькому фитильку и по отбрасываемым на стены теням.

За домашними хлопотами Марина и не заметила, как углубилась в детские свои воспоминания. Тут же ощутила, что она улыбается. Какая всё – таки замечательная штука - Память! Она даёт человеку возможность вернуться в такое реальное прошлое. Правда не всегда это прошлое бывает счастливым и светлым. Случается, что возвращает она и горькие моменты. Но всё равно хорошо, что есть память. Ведь в ней можно вернуть многое.

Хлопнувшая входная дверь вернула Марину в действительность. На лестнице послышались знакомые шаги. Их она узнавала безошибочно. Серёжины шаги. Они всегда были твёрдыми, уверенными, будто впечатывались в лестничные ступеньки. Даже кошка Маруся узнавала его шаги, и опрометью неслась к порогу, где усаживалась в ожидании хозяина, которого страстно любила своей кошачьей душой.

- Вот и я! – весело бросил Сергей, распахнув дверь в квартиру. – Явился! Не запыхался! А погода – чудо! Тепло, солнечно. И душа поёт! Так и шепчет...

Он громко засмеялся, глядя на Марину, на то, как она, широко раскрыв глаза, засуетилась у стола, ставя обеденный прибор. Больше всего на свете она не любила, когда Серёга шутил о выпивке. Она мгновенно напрягалась, будто собиралась в комок. Причина была самая, что ни на есть простая - пережитый однажды срыв мужа. То время было для неё самым страшным испытанием, когда он приходил домой «под мухой». Она плакала, умоляла, грозила, уйти, ругалась. Он извинился, обещал, клялся. Только опять ... являлся домой навеселе. Так продолжалось три года, с того дня, когда погиб его лучший друг Витька Шаров. Погиб нелепо: на спор прыгнул с крутого обрыва в реку, куда на выходные ездили они однажды с друзьями на рыбалку.

Весёлый, бесшабашный был Витька. Вечно что – нибудь нелепое затевал, всех с полуоборота заводил на шутки и всюду стремился быть первым. Вот и в этот раз

спровоцировал ребят на спор, что переплывёт незнакомую речку, куда впервые приехали рыбку на костре пожарить, да весело отдохнуть.

До больницы Витьку не довезли. Вот тогда и сорвался Серёга. Хотя на той рыбалке сам не присутствовал. Только считал себя причастным к страшной беде : не отговорил Витьку от поездки. Хотя мог. Ведь собирались в этот день «подхалтурить» у соседа – загородить палисадник. Только накануне вечером спешно скрутился Витька с парнями на эту проклятую поездку.

Марина любила Витьку, как друга, как брата. Именно к нему она прибегала, когда они с Серёгой ссорились. Когда нужен был совет или воспитательная беседа с мужем. Витька, выслушав её, загадочно улыбался и невозмутимо бросал:

- Не дрейфь, Маряшка! Прорвёмся! Обработаю Серёньку по – полной! Уши целовать будет!

И громко, заливисто хохотал.

Марина всегда удивлялась: «Почему уши – то? Не руки. Не глаза. Не щёчки. А именно уши?»

Однажды она спросила об этом Витьку.

- Потому, что УШИ твою обиду слышали. Их задобрить надо. Чтобы забыли они те слова и в мозг быстро шарахнули Серёгины извинения! Вот так, Маряшка! Женщина, как известно, ушами любит! И лапшу на уши вешают. И хорошими словами уши балуют! Слыхала?

Как уж Витька «вправлял» другу мозги, Марина не знала. Но только Сергей и впрямь шептал ей на ушко: «Прости, Марина, был не прав. Ты у меня самая лучшая!»

И Марина прощала.

Витька был палочкой – выручалочкой. Когда требовалась какая – либо помощь, он всегда оказывался рядом: дрова ли расколоть, или картошку в огороде помочь выкопать, траву ли у заборов выкосить – он тут как тут. Вдвоём с Сергеем быстренько всё оформят. А потом Витька и за пивком сгоняет в деревенскую столовку.

Только вот в личной жизни Витьке не везло. Девчонки, которым он нравился, его не интересовали. Не один год был он влюблён в бойкую и задиристую Верочку Иванникову. А она «играла» им, как могла. Бывало всей душой отзовётся на Витькины чувства, ходит с ним на свидания, в кино, на танцплощадку, гуляет вечерами в парке...А то вдруг неожиданно начинает игнорировать и не идёт ни на какой контакт.

Витька в такие моменты начинал нервничать, хотя виду не подавал. Ждал, когда переберется Веруна и вернётся к нему. А потом она вдруг уехала в город. Разлуку Витька переживал тяжело. В это время и случилась та злополучная рыбалка.

Верка на похороны не приехала, хотя Марина позвонила ей. Вскоре, по деревенским слухам, вышла она замуж и перебралась куда то на север. С тех пор Марина ничего не знала о её судьбе. У Сергея тоже никогда уже не было такого верного и доброго друга.

Утренняя прохлада была спасительной. Зелень клёнов, яркие цветы в палисадниках словно ожили и источали свежесть красок и ароматов. Солнце поднималось навстречу новорожденному дню в высоком безоблачном небе. День снова сулил быть знойным, изнуряющим. Июльская жара стояла с середины мая. Дождей почти не было. Трава вокруг высохла, превратившись в труху. Жара буквально изматывала.

Настроение у Марины было непонятное: радость перемешивалась с печалью. Радостно на душе оттого, что внучка Асенька получила сегодня долгожданный диплом об окончании университета, а печалилась потому, что не сумела в такой счастливый день поехать на торжественное вручение важного документа. Ведь она, Марина, буквально вырастила, выучила внучку, по – праву считала её своим третьим ребёнком. В четырёхлетнем возрасте досталась ей Ася, когда вымотанная неудавшимся браком старшая дочка Людмила ушла от пьющего мужа.

- Не могу больше, мама, - сквозь слёзы прошептала она тогда, прижимая к себе черноглазую, темноволосую Асеньку.

- Что ж, - сказала тогда Марина, - дверь родного дома для вас не закрыта.

Так и стала для маленькой Аси семья деда и бабы причалом её детства и юности. Тем более рядом всегда находилась и любимая, заботливая мама. Однако, когда спустя несколько лет, Людмила устроила личную жизнь, Ася изъявила твёрдое желание остаться жить у бабушки Серёжи и бабушки Марины. Училась в школе, занималась в музыкалке, увлекалась своими интересами. После школьного выпускного подала документы в ВУЗ, на факультет, о котором мечтала – художественный. Итоги ЕГЭ имела неплохие. Однако предстояла сдача внутривузовского творческого испытания. Во что бы то ни стало Ася должна была поступить на бюджет. Коммерческое обучение потянуть семье было не под силу.

Документы в университет Аська подала на факультет графического дизайна. Марина не понимала выбора внучки. Ну что это за специальность – дизайнер?

- Я понимаю, что любая профессия имеет своё назначение. Учитель учит, врач лечит, строитель строит. А дизайнер – то что делает? – недоумевала она.

- Он создаёт определённую систему в оформлении чего – либо, в зависимости от направления специализации – одежды, ландшафта, строительства и других. А графический дизайн имеет направленность рекламного содержания, оформление рекламных щитов, городских улиц, домов, социальных объектов, печатных изданий, в конце концов, упаковки пищевой продукции, технических изделий. И другая разная направленность. Это современная, нужная профессия. Творческая. – пускалась в доказательство Аська. – И мне она нравится. В этом году не поступлю, буду готовиться и в следующем опять документы подавать стану.

«Что ж, может я не понимаю в современных условиях, что это и впрямь неплохая профессия, - размышляла Марина. – Пусть учится. Ведь это её выбор. Её мечта. И принялась усиленно готовить Аську к вступительным экзаменам.

Конкурс при поступлении оказался довольно высок – четыре человека на одно бюджетное место. Марина бросила все силы, чтобы «натаскать» Аську на экзамен по рисунку. Нашла ей репетитора. Кроме того они вместе занимались по курсу компьютерной программы. И девчонка старалась, стремилась к достижению цели. Рисовала представленные на сайте изображения гипсовых голов Сократа, Аполлона, Венеры Милосской и прочих древних философов, мыслителей. Уставала смертельно. А Марина, после отдыха, снова и снова заставляла её брать бумагу и карандаш.

На экзамен они поехали вместе. Абитуриентов усадили в аудитории. Им предстояло изобразить именно гипсовую голову Сократа. Её установили в центре на приподнятой на уровне глаз плоскости. Но для каждого экзаменуемого она оказывалась в разном восприятии видимости. Аська сидела справа, то есть почти так, как и дома, при подготовке к испытанию.

Марина ждала её в коридоре все четыре экзаменационных часа.

А потом начались дни ожидания результатов. Каждое утро они вместе включали компьютер, заходили на сайт универа. Число набранных Асей баллов давало надежду, что она близка к зачислению.

Когда Марина, в день подписания приказа о зачислении, зашла на него и увидела в списке фамилию внучки, она заплакала...

- Асенька! Мы с тобой поступили!

- Так что же ты, баба, плачешь? Радоваться надо! – затараторила Аська, обнимая Марину.

- Так вот от радости и плачу.. , - прошептала бабушка.

Годы учёбы тянулись. Аська успешно сдавала сессии на повышенную стипендию, писала курсовые, делала дипломную... И вот он финал!

Впереди были новые рубежи. И, разумеется, ждали другие трудности и испытания.

А ведь человеческая жизнь – есть вечный поиск пути, по которому предстоит идти, преодолевая преграды. Радоваться и огорчаться. Ошибаться и достигать успехов. Ничего невозможно предугадать. Ведь не даром говорят, что у всех есть своя «Книга Судьбы», где расписан каждый шаг. Эх! Заглянуть бы в эту Книгу! Да не дано нам, смертным, такой возможности. Вот и идём по дороге жизни, будто с завязанными глазами. Спотыкаемся. Падаем. Поднимаемся и вновь идём....

Вся Зоина жизнь, по её определению, была выткана из «непрухи». Ей постоянно не везло, вернее, складывалось не так, как хотелось. Окончив школу, она сдала вступительные экзамены в пединститут и была зачислена. Только учиться не поехала. Пошла работать на кирпичный завод. Таскать на вагонетке сырые кирпичи и складировать их на просушку в огромном сарае, было тяжело для молодой девчонки. Но Зоя не жаловалась. Мать не понимала и не принимала решения дочери. Как же можно променять такую реально маячащую студенческую жизнь на «кирпичики»? Мать ругалась, плакала. Напрасно. Зоя упрямо молчала. Отец только хмурился и вздыхал. «Пусть поработает, коли так желает», - бросил он. А Зоя и сама не знала, почему приняла такое решение.

Через год она поступила в училище молочной промышленности. Работа на местном маслозаводе тоже была не из лёгких. Но она выбрала именно эту стезю.

Осенью они с подругой Зишкой уехали на учёбу. Только вскоре подружка вернулась – не понравилось. А Зоя осталась. Тут – то и свела её судьба с Романом Березиным. Он приехал учиться из далёкого башкирского села. Права народная мудрость: «От судьбы не уйдёшь!» ведь за тысячи километров свела она Романа и Зою. Они и внешне были

похожи : русоволосые, с густыми вьющимися волосами, с выразительными глазами и всегда открытой счастливой улыбкой.

Роман ухаживал красиво. Он дарил Зое цветы, приносил дорогие конфеты. А ещё вечерами сидел в их девчачьей общаге и играл на аккордеоне. Пел песни. Особенно Зое нравилась о любви к девушке, которую любимый обещал назвать и солнышком, и звёздочкой. Мягким волнующим и приятным голосом Ромка выводил:

... Я назову тебя звёздочкой,

Только ты дольше свети.

Я назову тебя реченькой,

Только ты дальше теки.

Я назову тебя зоренькой,

Только ты раньше вставай.

Я назову тебя солнышком,

Только везде успевай.....

Она представляла на месте той девушки себя и восторженно смотрела на парня. Весной они поженились. Зое не было ещё и девятнадцати. Роману прошлой зимой исполнилось восемнадцать. Казалось, вот оно счастье – большое, настоящее. Но судьба готовила им массу испытаний.

После окончания учёбы приехали они в Онежский к Зоиным родителям. Маринка была рада и по пятам ходила за Романом, а Зою любила до глубины души, считала старшую сестру идеалом красоты и совершенства. Молодые мечтали о семейном уюте и вечной любви. Правда, жили они пока в незарегистрированном браке. Мать считала это грехом несусветным и совершенно неприемлемым для создания счастливой семьи. Но Ромка только весело шутил и был уверен, что штамп в паспорте - не главное. Гораздо важнее чувства.

А осенью его призвали в армию. Повестка пришла туда, в родное село. Он спешно собрался и, купив билет до Уфы, отправился в путь – дорогу. Зоя уехала с ним, чтоб проводить на службу. Призвали его во флот. Предстояло четыре долгих года разлуки.

Прощаясь на вокзале, Зоя плакала и преданно смотрела в глаза любимого. А он прижимал её к себе и ласково шептал:

- Не плачь, Заюшка моя. Мы выдержим разлуку. Ты только жди! Я обязательно вернусь! И проникновенно читал симоновские строки: «...жди меня, и я вернусь! Только очень жди!...» а Зоя всё – равно плакала. Мыслимое ли дело: на четыре года расставались!

Потом она приехала домой. Вскоре пошла работать на маслозавод. А время начало свой отсчёт. Полетели дни, месяцы ожидания.. Спасали частые письма Романа. И она писала ему длинные и тёплые ответы. Каждый вечер, укладываясь спать, подолгу держала в руках рамку с фотографией Романа, разговаривала с ним, рассказывала, как прошёл день, что нового он принёс ей.

Местом его службы стал далёкий город Североморск. Роман мечтал служить на флоте. А моряк – подводник был для него не просто покорителем морей и океанов, а высшим воплощением мальчишеской мечты.

Летняя жара сменилась ласковой и грустной осенью. Дожди ещё не затуманили глубину неба. В золотом царственном наряде блаженствовали берёзовые рощи, высоко в небе тянулись к югу журавли, гортанно прощаясь с родными просторами. Бабье лето ласкало уходящим осенним теплом, плывущими в воздухе паутинками.

Зоя неспешно шла с работы. Открыв почтовый ящик, достала свежие газеты, из которых выпал конверт. «Письмо!»- обрадовалась она. Она давно не получала писем от Романа. И уже волновалась, отчего он не пишет. Но успокаивала себя тем, что возможно он в плавании. Доставая письмо, старалась унять биение сердца. Однако, пробежав быстренько глазами адрес, удивлённо вскинула брови. Адрес отправителя был незнаком, хотя значилось на нём башкирское село Исянгулово – родина Романа. Спешно разорвав конверт, достала два тетрадных листа, исписанных ровным, красивым почерком.

«Здравствуйте незнакомая девушка Зоя! Не удивляйтесь. Пишет Вам Галя. Вы не знаете меня. Я долго насмеливалась написать это письмо. Только всё никак не решалась....»

Зоя читала строки напряжённо и очень бегло. Поначалу не могла понять их смысл. Сердце билось в непонятном ритме: напряжённо и отчаянно. «Нет. Надо успокоиться. Взять себя в руки»,- подумала она. Свернула листы и села на лавочку у палисадника. Глубоко вдохнула, закрыла глаза, с минуту посидела, чтобы успокоиться. Не торопясь вновь развернула листы. «...Как Вы догадались, живу я в том же селе, откуда родом Роман. Мы вместе росли, учились в школе. А потом к нам пришла любовь...»

Дальше шло подробное описание тех неповторимых встреч, свиданий, высоких чувств, что приходят в годы юности, волнуют и тревожат, приносят радость и неповторимость. Девушка по имени Галя восторженно писала, как приносил ей любимый цветы, и о первом поцелуе, и о звёздных ночах и о клятвах верности... «Но он встретил Вас и выбрал

своей единственной. Только я по – прежнему люблю моего Ромку и очень страдаю. Пишу это письмо и плачу...Зачем пишу? Не знаю. Простите меня, Зоя. Наверное, просто хочу излить боль моей души. Глупо? Согласна. Не подумайте, я не держу на Вас ни зла, ни обиды. Ведь Вы совершенно ни в чём не виноваты. Вы не знали о моём существовании. Я желаю Вам счастья с Романом. Берегите его. А меня простите за мои душевные излияния. Должно быть мне просто необходимо, чтоб моя душа прикоснулась к Вашей...»

Зоя сложила листы в конверт, и ей вдруг стало до боли жаль незнакомую девушку.

«Галя, Галя, - думала она, - если б только ты знала, что сегодня я ничегошеньки не знаю о Романе...Где он? Что с ним? Почему молчит? И мне тоже очень горько и тяжело... Он не пишет не только мне, но и родным в своё село...»

Зоя сердцем чувствовала, что случилась с Романом какая – то беда. Только не могла она знать о ней. Вечерами со слезами на глазах читала молитву, и в каждое её слово вкладывала страдание и боль:

«Владыко Господи Иисусе Христе, Ты еси Помощник мой, в руках Твоих есмь аз , помози ми, не оставь меня...» и слёзы капали на страницу «Молитвослова», и расплывались строки, и сжималось сердце, и комок стоял в горле. А губы шептали: « Господи, не отступи от мене, я к Тебе прибегаю...Исцели душу мою, спаси мя ради милости Твоея... Ты еси Един Сильный, Господи, во всех, и Твоя есть слава во веки веков. Аминь...» Она засыпала тревожным сном. Откуда – то издалека ей будто слышался Ромкин аккордеон и ласкающая слух песня : « Я назову тебя Солнышком...»

Тёплые майские дни радовали солнцем, молодой зеленью тополей, клёнов, берёз. Полянки радостно топорщились сочной травой, желтели весёлыми одуванчиками. Бойко и шумно защебетали птицы. А озорные скворцы по – хулигански свистели вслед. Природа

проснулась. И люди счастливо улыбались друг другу, окружающему миру, теплу и солнышку..

В деревне настали огородные хлопоты: копали, боронили, садили картошку и мелочь на грядках. Марина любила эту весеннюю суету. В это время хочется жить и мечтать. Кажется, отступают все трудности и проблемы.

Вот уже и миновала долгожданная Пасха. Отзвенели на Храме праздничные колокола. Марина с детства любила этот православный весенний праздник, когда вместе с природой приходит обновление души. В том, что душа существует, она ни капельки и никогда не сомневалась. А как же? Ведь именно эта маленькая и невидимая частичка её существа умеет радоваться, огорчаться, любить и плакать. Много чего другого может Душа! В этом Марина убеждалась не раз. Ведь существует у человека так много разных ощущений : умение чувствовать вкус и запах, дышать, видеть, говорить, смеяться. И спектр прочих чувств испытывает человек. Несомненно, это есть суть Души, её дар и необъятная способность внутренней частички составляющей человеческую сущность. К тому же величина её неизвестна. Ведь говорят же – «Человек широкой души» или « У него мелкая душонка», или даже «Бездушный». Ну, по поводу последнего определения можно поспорить - душа есть у каждого. Только проявляется она по – разному. И её, как дитя, надо лелеять, любить. Тогда она становится красивой, богатой, способной дарить окружающим тепло и свет. А коли не смог человек раскрыть Душу свою, то становится он злой и неуправляемый, способный только на подлость и ненависть. А это уже грех перед Творцом – Господом нашим.

Маринина душа была открытой и чистой. Она с благоговением и радостью принимала испытания, уготованные судьбой, хранила доброту и милосердие. Может и не всегда это получалось должным образом, только стремилась она к правде и вере в справедливость Всевышнего.

Ей нравилось бывать на Пасхальной службе в Храме, украшенном цветами и лентами, когда Батюшка Сергей в праздничном наряде торжественно взойдёт на солею, поклонится со словами «Мир всем!», и, вознеся руки, радостно воскликнет: «Христос воскрес!», а прихожане дружным хором ответят : «Воистину воскрес!». И Храм наполнится величием и умиротворением. А Душа возликует. Той благодатью, что не передать словами. И кажется, летит она куда – то под своды, испытывая огромную Радость. В такие минуты ощущается присутствие ангелов небесных и чувство, что делает каждого причастным к великому чуду воскресения Господня.

Время отсчитывало третий год Ромкиной службы. Писем в Зоинем ящике письменного стола накопилась внушительная стопка. И вдруг они перестали приходить. Напрасно заглядывала Зоя внутрь почтового ящика. Находила в нём лишь газеты и журналы. Писем не было. Сначала шли дни, недели, а потом потянулись месяцы... И не суждено ей было знать о той беде, что случилась...

А случилось то, что не ожидал никто. В летние дни военные моряки – подводники принимали участие в боевых учениях под кодовым названием «Полярный круг». Им предстояла сложная задача – отработка взаимодействия надводных и подводных кораблей.

Тем ранним утром подлодка следовала в Северную Атлантику для проведения учебных стрельб. Экипаж был готов к выполнению ответственного задания. Ребята гордились, что им выпала честь проходить на одной из первых атомных подводных лодок – ракетноносцев. Когда неожиданно сработала аварийная защита, многие не поняли причины. Опасность не вызвала реакции экипажа. И только руководство мгновенно среагировало на сигнал аварии. Всё оказалось намного сложнее и опаснее, чем можно было предполагать: произошла авария в системе кормового атомного реактора. Возникла угроза атомного взрыва на субмарине.

Для устранения аварии в реакторном отсеке было предпринято всё возможное. Первые добровольцы сделали отважную попытку установить и ликвидировать угрозу. Из средств защиты у них были только противогазы. Однако положительных результатов это не дало. Ребята получили дозу облучения, несовместимую с жизнью. Последствия являлись страшными: у ребят начиналась рвота, лица распухали, из под корней волос сочилась сукровица. Нужны были срочные меры. Сигналы о помощи уходили с трудом. Вдали от родного берега экипаж оказался в океане почти без связи, радиацией было отравлено всё, вплоть до еды и запасов пресной воды...

Только чудом удалось избежать катастрофы. Но человеческие потери были велики. Ядерный подводный крейсер удалось сохранить. Весь экипаж был госпитализирован. Получившие максимальные дозы облучения скончались. Остальные долгое время

проходили курс лечения. Среди них оказался и Роман. Оттого оборвалась связь с родными.

Опыт этот был печален. Разглашение страшной катастрофы было строго запрещено. у выживших взяли расписку о неразглашении на долгие годы! Облученных членов экипажа выбросили на гражданку, взяв расписку молчать и молча умирать.

Такая трагическая страница оказалась вписанной в судьбу одного из членов экипажа, моряка – подводника Романа Березина. И никто из родных не знал – не ведал какой ценою он остался жив, чтобы видеть синее небо, зелёную траву, слышать тихие всплески речных волн, шелест берёз, соловьиную трель, грустное кукование кукушки...Чтоб пройти по пшеничному полю...Чтобы жить, любить и мечтать...

Мобильник настойчиво звенел. На дисплее высвечивался незнакомый номер. Марина уже давно взяла за правило: не отвечать на неизвестные звонки. И теперь равнодушно ждала, когда звонок перестанет. Однако он долго и назойливо продолжался. «А вдруг кому – то очень надо!», - подумала Марина, и неохотно взяла трубку.

- Слушаю.

- Мариночка Викторовна, - отозвался мобильник, - это Вера Карловна. Помните, мы когда – то в больнице вместе лежали. Я вот нашла твой номер, и так захотелось поговорить с тобой. Уж прости старую...

Марина растерянно «шевелила мозгами», стараясь «въехать» в воспоминания о больничной палате и её обитателях, куда она попала по причине гипертонического криза несколько лет назад. На полочке памяти высветился образ соседки по палате – невысокой худощавой женщины с большими грустными глазами, мягким спокойным голосом и приветливой улыбкой. Марина тогда с удивлением подумала как не вяжутся меж собою понятия : грустные глаза и добрая улыбка. За месяц пребывания в палате только единственный раз приехала к ней дочь Любочка, худенькая девчушка лет семнадцати, с такими же серыми глазами и красивой улыбкой.

- Здравствуйте, Вера Карловна, - тепло ответила Марина. – Рада Вас слышать. Как здоровье? Как живёте?

- Спасибо, Мариночка. А жизнь по – разному складывается. Здоровье – тема особая, - собеседница как – то грустно на миг замолчала. Потом продолжила всё в том же тоне, - теперь уже здоровье годами измеряем. Уже ведь 80-й рубеж перешагнула. В соответствии с паспортом и здоровье...

Вера Карловна помолчала. Потом вдруг заговорила с нескрываемой болью.

Одна я, Мариночка. Совсем одна. Порой так хочется просто общения. Поплакаться, как говорят, в жилетку. Да нет таковой.

- Так у Вас, вроде, дочка была? – вставила Марина

- Есть дочка. Любаша моя. Только давно вышла она замуж. Живут с семьёй в другой области. Раз в год в отпуск приезжают. Вот и в этом году посетили родителей мужа. А ко мне даже не выбрала время приехать, хотя и не столь далеко живу – по асфальту меньше часа езды...

Она снова замолчала.

- Вообще не балуют они меня. Я и внука - то только два раза в жизни видела. Теперь уж студент второго курса. Внучку и вовсе ни разу не видела. Думается мне, что стесняется меня Любочка... Хотя всю жизнь я ей посвятила: одна растила, учила, воспитывала. Старалась в люди вывести. Видно не сумела...

Марина чувствовала, как дрожит голос собеседницы. Сколько в нём горечи и боли. Казалось, ещё чуть – чуть и сорвётся он рыданием. Марина даже представила как текут слёзы по её щекам.

- Успокойтесь, Вера Карловна, - по – возможности спокойно сказала Марина, - Вам вредно волноваться с таким слабым сердечком. Возможно, Люба не сумела Вас навестить по какой – то причине. Только попытайтесь простить её. Помолитесь. Молитва, без сомнения, коснётся её души. Она позвонит Вам.

Вера Карловна на той стороне связи молча слушала. А Марина пыталась втолковать ей уверенность, хотя сама прекрасно понимала израненную душу, отчаяние, материнскую боль. В ней зрело непонятное чувство возмущения Любочкиным бездушием...

- Только очень обидно, Мариночка, - почти шёпотом отозвалась Вера Карловна, - такой боли я не испытывала даже когда мужа моего Петеньку похоронила. Спасибо тебе, что выслушала. Я постараюсь взять себя в руки.

Вера Карловна попрощалась и отключилась. А Марина подошла к окну и долго смотрела на высокое безоблачное небо, на цветущие на маленьком участке под окном подсолнухи, на забор, увитый мягкими розово – белыми цветами травы – берёзки... Она думала л том как скучает по своим детям и внукам, когда не видит их всего – то несколько дней. Невольно мысли вновь заиклились на Аське: её ждала уже четыре месяца. Это был немыслимо долгий срок. Хотя каждый вечер от неё раздавался звонок, и звучала привычная фраза: «Баб! У меня всё хорошо! Как ты?» и Марина рассказывала о том чем был наполнен её день. Потом слушала Аськины новости. Она реально представила душевное состояние Веры Карловны, её тоску и переживания. Ей искренне было жаль эту милую, добрую женщину с грустными глазами.

Декабрь принёс морозы. Деревья, убранные пушистым инеем, напоминали узорные изваяния и в лучах скупого солнца переливались изумрудами сказочного хрусталя. На окнах домов теснились удивительные узоры, будто написанные рукой художника – фантазёра, способного тонко и изумительно красиво передать чудные картины русской зимы. Морозный воздух наполнял мир тишиной и хрупкостью снежных россыпей, казался настолько волшебным, что хотелось впитать его частичку полной грудью.

Раскрасневшаяся Зоя только что вернулась с лыжной прогулки. С огромным удовольствием она скользила по укатанной лыжне, любясь белыми, пушистыми от инея, кронами берёз, лапчатыми ветками елей, искристым убранством лесных полян. На душе было радостно. Счастливое чувство светилось в глазах, трогало улыбкой губы. И сердце билось ровным ритмом, готовое выплеснуть наружу очарование этим днём, ожиданием чуда. Ей было непонятно такое нахлынувшее на неё восхищение, неожиданное волнение и восторг от окружающего мира. Сегодня воскресенье – выходной день. Можно почитать книгу, посмотреть любимый сериал. Но первым делом Зоя решила сделать запись в своём дневнике, который она ведёт уже почти четыре года. Он стал её отдушиной, другом, способным понять глубину души. Открыв общую тетрадку в тёмно – бордовой обложке, Зоя ровным красивым почерком написала первую строчку:

«Добрый день, Ромочка! Мой родной, любимый!»

Она задумалась. Хотелось рассказать о красоте зимнего леса, о своих ощущениях, непонятной радости души. Но она не могла понять своих внутренних эмоций. Откуда они? Почему так трепетно бьётся сердце? Ведь от Романа уже полгода нет вестей. Сколько слёз выплакано. Сколько молитв прошептано. Кажется, уже нет впереди надежды. Только сердце не хочет мириться. Оно по – прежнему верит, что за тёмной жизненной полосой непременно последует светлая. Зоя придвинула тетрадь и начала быстро писать.

«...Почему – то сегодня у меня такое настроение! Чудится, что лечу я над землёй, и вокруг синее небо, ласковое солнце. А внизу раскинулось море. Безграничное. Тихое. Там

среди высоких волн ты. Я люблю тебя! Жду. Верю, что никакие испытания неспособны разлучить нас! Ромочка! Ты единственная моя радость! И счастье моё! И солнце моё! Я слышу твой голос! Вижу твои глаза. Наклонись ко мне ближе. Я поцелую их. А ты назови меня Солнышком...»

Неслышно открылась дверь. Вошедшая Маринка, мягко ступая, приблизилась к сестре, заглянула через плечо.

- Пишешь?

- Ага. Что – то сегодня мне так спокойно. Даже радостно, - поделилась Зоя.

Марина обняла её за плечи и поцеловала в макушку.

- Всё хорошо, Зоенька. Ты моя самая дорогая. Ты будешь счастлива. Я этого очень хочу. Вот окончу техникум, получу диплом, стану работать и куплю тебе кольцо с сердечком. А ты загадаешь желание и вложишь записочку в кольцо. Там, глядишь, и Рома приедет

Зоя улыбнулась, погладила Маринкины ладошки.

- Фантазёрка ты, Марина. Я люблю тебя...

За вечерним чаем они привычно сидели втроем: Зоя, Марина и Клавдия Сергеевна.

- Мам, - вдруг задумчиво произнесла Зоя, - сегодня мне приснился странный сон. Будто стою я посреди поляны, а с высоты падают огромные хлопья снега. Они белые, чистые, пушистые. Я пытаюсь поймать их в ладони. И светит такое яркое солнце. И так мне радостно... Не знаешь к чему снится снег? И солнце?

Она с надеждой, внимательно и как – то по – особому, посмотрела на мать, ожидая толкования сна. Ведь Клавдия Сергеевна всегда старалась понятно и доходчиво объяснить подобные ситуации. Дочери были уверены, что мама знает всё! Вот и теперь она, помешивала ложечкой в стакане, будто взвешивая мысли. Наконец рассудительно сказала:

- Знаешь, Зоюшка, такой сон можно истолковать по – разному. Но мне кажется – добрый он. Снег – к большому радостному событию. Ждёт тебя в жизни светлая полоса. Да и восходящее солнце – к перемене в жизни. Видишь, сколько хорошего ожидает тебя.

Клавдия Сергеевна улыбнулась и из глубины души извлекла воспоминание, когда ей после подобного сна сделал предложение её любимый Витенька, с которым прожили долгие счастливые годы.

Весна в тот год наступила рано. Первой встречали в лёгких платьицах и рубашках. На берёзках, клёнах, тополях выскочила яркая зелень. Полянки радовали первой травой. В праздничных колоннах шагали по – особому весело. Тепло. Солнечно. Радостно. Клавочка Смагина – молодая лёгкая, зеленоглазая – впервые шла не как школьница, а как член трудового коллектива. Несколько месяцев назад приступила она в работе в качестве фельдшера «Скорой помощи». В кармане был новенький диплом об окончании медучилища и громадьё жизненных планов и целей. Ей хотелось стать детским врачом. Непременно педиатром! Об этой профессии она мечтала с детства: ставила «уколы» куклам, совала им под мышки «градусники» - тонкие округлые палочки от мороженого, готовила сладкое питьё, делала солевые примочки. Проводила массу других важных и нужных процедур. Когда подросла, стала доктором для своих маленьких подружек. Когда кто –нибудь из них набивал синяк, царапал коленку или нечаянно поранил пальчик, бежали «лечиться» к Кланьке. Она оказывала «первую помощь» и ласково успокаивала: «До свадьбы заживёт!»

После девятого класса, не задумываясь, отвезла документы в медучилище. И вот теперь с огромной радостью спешила по утрам в отделение «Скорой», где нашла свой долгожданный причал. Тут и познакомилась с весёлым водителем спецмашины Виктором Быковым. Русоволосый, сероглазый, со спортивной выправкой, он любил пошутить. Однако вполне серьёзно подходил к решению любого важного вопроса. На вызовы мчался, выбирая самую короткую дорогу, будто боялся не успеть на помощь больному.

Увидев впервые в бригаде молоденькую девчонку, улыбнулся и протянул руку:

- Привет! Добро пожаловать на гонки! Не путать тебе, зеленоглазка, шприц с пипеткой, капсулу с таблеткой!

И звонко, открыто засмеялся.

Клавочка тоже засмеялась.

- Да уж разберусь! Дипломчик у меня с отличием! Да и наставник мой – Мария Петровна – на контроле ситуацию держит.

Строгая, но очень доброжелательная Мария Петровна тоже улыбнулась. И бригада помчалась на вызов.

Виктор Алексеевич, или Алексеич, как его все кликали в коллективе, относился к Клаве, будто к маленькой девочке – то конфеткой её угостит, то пряничек в розовой глазури даст. Как – то даже круглую металлическую баночку с разноцветными «Монпасье» в шуршащей обёртке из бардачка достал.

Мария Петровна сдержанно улыбалась выходкам Алексеича. Когда же он однажды утром, отправляясь на очередной вызов, с озорной шуткой преподнёс девочке маленькую игрушку – козлика на круглой подставочке, в которой была спрятана пружинка, откровенно расхохоталась. Донышко внизу нажималось, сдвигая пружинку, и козлик забавно двигался, изгибаясь на подставке.

- Балует тебя, Клавочка, наш водитель, - сказала наставница. - Вот и до игрушечек дожили. Растёшь, девочка!

- Это чтобы не скучала, да не дремала в дороге, - подмигнул Витя.

Клава не обиделась. Она уже привыкла к шуткам Алексеича. И ей, если честно, было приятно его внимание.

Потом он стал приносить ей сезонные цветы: весной – подснежники, веточки сирени, яркие тюльпаны; летом – ромашки и васильки; осенью – пушистые разноцветные астры.

С Новогоднего корпоратива впервые проводил до дома. Летом было первое свидание, первый сладкий поцелуй, первое признание...

На первомайской демонстрации они шли рядышком. «Мы – бригада! Ходим рядом!» - шутил Витя. Она от души смеялась. А ночью ей приснился снегопад. Огромные хлопья снега сыпали с небесной высоты. Тихо кружились, и ажурным узором ложились вокруг. Сердце её радовалось, а душа ликовала. Она и проснулась – то с улыбкой на губах. А вечером Виктор смущённо сказал: «Выходи за меня, любимая...», и открыл бордовую бархатную шкатулочку, где на белом атласе лежало колечко с розовым камушком.

Вот тебе и снег во сне...

Марина никак не могла уснуть. Ночь перевалила за вторую половину. Огромная луна и яркая россыпь звёзд делали её светлой. Сон не шёл. Марина перебирала в памяти события детства, юности. Уже каждый деревенский дом, будто в кино, просеяла в мыслях. Каждого, кто жил на их широкой зелёной улице, вспомнила.

Вообще странная штука – деревня! Всё в ней по – особому. К примеру, коль придёт кому к голову прозвище, так и прилипнет к человеку. Попробуй потом понять почему так, а не иначе, кликают того или иного деревенского жителя. Вот почему припечаталось к высокому худощавому мужику неизменное «Сано однорукий»?отсутствие левой руки не мешало ему оставаться мастеровым плотником. Кроме того, он мог сложить замечательный дом, баню, любую постройку лучше двурукого строителя. При этом был дядькой, любившим заложить «за воротник», страшным матерщинником. Но в деревне его любили и ценили. Брал он за работу недорого, а выполнял её круто и качественно. Коли срубил что или сплотничал Сано однорукий, то гарантия качества!

Но если с ним всё было понятно: однорукий, значит с одной рукой, то вовсе не ясно почему колхозного бригадира уважительно величали Семён Аркадьевич, а начальника лесопилки окрестила деревня Петькой Сакранчиком. Невысокий, кривоногий, он напоминал колобка, у которого даже шеи не видно. Голова просто «лепилась» между плеч. И вовсе было не ясно, что это за понятие – Сакранчик!?

Жила в деревне Шура Маленькая. Уж над ней – то любили подшучивать и стар и млад. Были у неё, как говорится, не все дома. Не переносила она мужиков. И стоило спросить её: «Что, Шура, поди замуж вышла?», как начинала она отчаянно плевать в сторону и махать ручками с короткими пальчиками. Было ей уж лет за 40. Маленькая, с тонкими косичками, с неименными белыми верёвочками, уложенными веночком, она напоминала вечно куда – то спешащую стрекозу. Ребятишки любили «надувать» Шуру копеечкой. Выждав, когда она спешит с хозяйственной авоськой в сельмаг, они обступали её и предлагали; «Давай, Шура, меняться: я тебе большую денежку, а ты мне маленькую. И совали ей пятаки в обмен на десятчики, пятнатчики, двадцатьчики. Выбрав у неё всю мелочь, сыпали в сумку звонкие пятаки. А Шура радостно смеялась, балдея от своего огромного богатства.

Однако, пожалуй, самым значимым деревенским раритетом была Нюрка – Самолёт! Работала она контролёром местного автотранспортного предприятия. При отправке автобусов по междугородним рейсам тщательно проверяла билеты у пассажиров. Однако вскоре после отправки рейса могла материализоваться на любом участке пути. И снова проверяла проездные документы у пассажиров. Её явление в автобус было непредсказуемо. Так летала Самолёт по трассам целыми днями. Попасть в её «лапы» боялись. Она могла высадить из автобуса, содрать штраф, и вообще опозорить перед всеми порядочными пассажирами любого зайца – безбилетника.

Сон Марине никак не шёл. Она уже пробовала по поверью « считать овец», и пыталась делать дыхательную гимнастику. Ни в какую! «Должно быть, полнолуние, - думала Марина, - оттого и не спится».

Почему – то подушка пахла земляникой. Вообще запахи, порой, посещали Марину странные и неожиданные. Как – то делала она в комнате генеральную уборку, и вдруг, уже домывая пол у порожка, почувствовала сладкий аромат цветущей жёлтой полевой кашки. Прикрыв глаза, она глубоко вдыхала этот запах, не понимая, откуда он возник. А

он наплывал, пьянил, и был таким реальным, что воображение рисовало берёзовую рощу на пригорке за окраиной деревни и раскинувшуюся в низинке зелёную поляну, усыпанную метёлками цветущей кашки. Радостные солнечные соцветия её источали такой чудный аромат, что было им не надышаться. Маленькая Маринка собирала цветы в букет и несла его маме, которая очень любила эти полевые цветы. И в тот момент, присев на корточки у порога, Марина удивлялась возникшему из ниоткуда запаху кашки.

Случалось, что её посещали другие ароматы: то цветущей сирени, то свежескошенной травы, то миндальной шоколадки.

Такая вот водилась за ней странность.

Однажды с ней произошло даже совсем нелепое: как – то зашла она к соседке по лестничной площадке и почувствовала непонятный и гнетущий запах. Она даже не могла его объяснить какой – либо логикой. Где – то в подсознании мелькнула мысль: «Горем пахнет...». Никаких характеристик этот запах не имел. Просто пахло горем. Тогда она ничего не сказала Нине, а сжавшееся, будто обручем, сердце постаралась унять и спешно ушла из соседской квартиры. А горе и правда пришло неожиданно: через неделю у соседки скоростижно умер муж.

Вот и теперь пахла её пуховая подушка земляникой. И было приятно и желанно ощущать этот мягкий, тонкий аромат. Сон неслышно подкрался и сморил её.

Июльское солнышко ласково обнимало округу, сулило знойный день. Впрочем, день этот был довольно печальным: год назад не стало одной из Марининых подруг детства – Татьяны. Умерла она внезапно – нежданно – скосил COVID....И откуда только взялся этот треклятый вирус!? И пошёл он косить людей. Сколько жизней унёс за неполные два года. Вот и Танюха не стала исключением. Где и как подхватила заразу – неведомо. Ведь никуда не ходила. А вот на тебе – безвременно ушла из жизни. Даже проводить в последний путь не удалось: привезли её в закрытом гробу, и по – христиански прощание не разрешили Сразу – на погост. Конечно, подружки собрались, чтобы почтить её память. И поплакали, и погрустили, и тепло повспоминали. Но это было далеко не полноценное прощание с дорогой подружкой.

На години приехали к Танюшкиным дочерям. За поминальным столом, со слезами на глазах, говорили присутствующие слова добрые и сердечные. Вспоминали её доброту, отзывчивость, высокое чувство справедливости, присущее её, умение поддержать, помочь, дать совет и просто выслушать.

А она внимательно и участливо смотрела с большого портрета, пристроенного вблизи стола, будто слушала разговор и благодарила собравшихся в её доме дорогих гостей. Она словно живую сидела за столом и приветливо улыбалась. Танюха среди подруг всегда была чуть впереди: первой окончила школу и уехала учиться, первой вышла замуж и родила дочку – первенца, первой стала бабушкой. Даже горькая беда пришла к ней первой – овдовела. И вот теперь она, милая, добрая, родная Танюха, первой покинула этот солнечный мир, шагнув за черту небытия.

Молодцы её дочери, Алёна и Елена. Достойные поминки организовали матери. В их отчем доме каждый уголок помнит её шаги, её дыхание, тепло её рук. Здесь каждая вещь несёт память о хозяйке. Это она подарила своим детям светлый мир, счастье и свою

материнскую любовь. Оттого за поминальным столом не скрывали дочери блесевших в их глазах слезинок.

Марина, удобно устроившись в кресле, листала старый семейный альбом. С каждой фотографии смотрели на неё родные лица. Вот мать и отец сидят на скамейке под развесистой цветущей черёмухой. Мама чуть улыбается. Белый платочек аккуратно повязан на волосах. А в глазах искорки счастья. Отец в кепке, чуть сдвинутой набок, кажется несколько шаловливым. Он положил руку на плечо жены. А в глазах озорной огонёк. Чудится, что вот – вот выпрыгнет наружу весёлый чертёнок. Между ними стоит маленькая Маринка. Смотрит изподлобья, зная ждёт, когда из объектива, что стоит напротив на трёх ножках, вылетит долгожданная птичка.

А вот вся семья на сенокосе: все споро гребут валки. Чуть поодаль небольшие конусовидные копёшки. Маринка и Зойка счастливые и смеющиеся. Маленькие грабельки, смастерённые отцом, выглядят игрушечными, но девчонки трудятся по – взрослому, с радостью и оптимизмом. Помощницы!

С фотографии смотрят уже повзрослевшие сестрёнки : Зое лет семнадцать, Маринке десять. Улыбаются. Впереди – вся жизнь! Светлая, счастливая, солнечная!

Большая, во всю альбомную страницу фотография : Роман и Зоя. Марина долго рассматривает их лица. До чего же они похожи! Прямо как брат и сестра. Молодые, красивые. Счастливые. Мысли невольно переносят Марину в холодный декабрьский вечер.

В печке жарко горели дрова. Тепло и уютно в горнице. Семья Быковых по доброй семейной традиции чаёвничала. Самовар по – хозяйски стоял в середине стола. Был он старым. Но в семье хранили его и любили. Почему-то чай из него казался вкуснее. Достался он ещё от бабушки и являлся семейным атрибутом. Таких самоваров теперь уже не встретишь.

В сенную дверь тихонько постучали. Все удивлённо посмотрели друг на друга.

- Кто может быть в такое время? – бросила Клавдия Сергеевна.

- Я открою, - отозвалась Зоя и, накинув у порожка курточку, выбежала в сенцы. Спешно откинув засов, обомлела. Перед ней стоял...Роман. В чёрном бушлате, бескозырке. Засыпанный крупными хлопьями снега, он улыбался, глядя в широко распахнутые Зоины глаза. А она стояла недвижно, будто утратив речь, возможность шевелиться, отрешённая от всех ощущений.

- Что ты, Заюшка? – чуть слышно прошептал Роман и привлёк её, недвижимую, к себе. Крепко прижал. - Что ты, милая? Я приехал. Я вернулся....

Она молчала. И вдруг, в какой –то миг, очнувшись ,прошептала:

- Ромушка...Да как же это?

Он взял её за плечи и тихонько подтолкнул ко входу.

Они вошли за порог. Мать и Маринка по – прежнему сидели за столом. Картину можно представить, как немую сцену известного полотна художника Репина «Не ждали». Первой опомнилась Маринка. Бросилась к порогу:

- Ромка!

А Клавдия Сергеевна прошептала:

- Господи! Да неисповедимы пути твои. Радость – то какая! Да что ж вы стоите – то? Чать застыл без шапки?

И захлопотали все разом, собирая на стол.

Весной Ромка с Зоей начали строительство. Хотелось свой дом. Новый. Красивый. Да тесновато стало семье в небольшом пятистенке. Ещё зимними вечерами, собравшись семейным кружком, обсуждали свой будущий очаг, строили планы. Главная проблема упиралась в финансы. Где их раздобыть? Зарплата у молодых - не ахти какая, пенсия у Клавдии Сергеевны - невелика. Выход один: брать займ у государства. На том и сошлись – оформить ссуду. А это значило, что придётся затянуть потуже пояса. Также решили расширить своё небольшое подсобное хозяйство. Благо имелась корова Марта, да с десятков куриц. К весне, глядишь, и телёночка Бог даст. А вот двух – трёх свинок приобрести, да гусей стоило развести. Сена накосят, корма на первое время есть, а осенью отходов подешевле купят. Вот и будет подспорье.

Была и ещё одна отдушинка: Клавдия Сергеевна уже много лет слабо видела, имела инвалидность по зрению и состояла в районном обществе слепых. Вела активную деятельность, принимала участие в художественной самодеятельности – читала стихи, участвовала в общественных мероприятиях, нередко выступала с беседами на медицинские темы. Ведь всю жизнь сей сфере посвятила. При острой необходимости общество выдавало членам материальную помощь. Пусть и была она не столь велика, но всё же подмога. В просьбе руководство общества не отказало.

Ромка оперативно провёл «разведку» и выяснил где и как получить ссуду на строительство, съездив в Госбанк, собрал нужные бумаги. Марина, только – только получившая диплом об окончании техникума, начала работать вместе с Зоей на заводе и тоже решила вложиться в решение общесемейного вопроса.

Главным «командующим» - и конструктором, и прорабом, и строителем – выбрали Сана Однорукого. В помощь ему наняли двух смекалистых, трудолюбивых мужиков, которых Сано привлекал по мере необходимости. Благо трудились они в местном лесопункте посменно и имели возможность в свободное время подхалтурить. Да и сам Роман в выходные помогал - брёвна ошкурить, горбыль подтесать, доски перетаскать иль что – либо другое сделать, следуя указаниям «главного прораба».

И работа закипела. Когда были срублены и уложены первые рядки, Ромка с Зоей уже, усевшись на них, планировали будущее расположение, где будет зал, прихожая, кухня, комнаты для мамы и Марины. А ещё непременно – детская...

Они счастливо щебетали, а Сано лишь ухмылялся в жёлтые от махорки усы, слушая их неустанную болтовню. Иногда с ними пристраивалась и Маринка.

Дело двигалось споро. И радости не было предела. Ромка проявлял невероятную активность и сообразительность. Договаривался с поставкой пиломатериалов, находил грузчиков, решал проблемы с транспортом.

Работал Роман в райкоме ВЛКСМ, инструктором. Потому часто бывал в комсомольских организациях предприятий, колхозов, совхозов, разных сфер, был знаком с парторгами, знал всех руководителей. Легко договаривался с ними и мог оперативно решить любую проблему. Да и по характеру он был общительный, весёлый, целеустремлённый. Наряду с рабочими вопросами находил возможность решать и личные.

К концу июня сруб был полностью готов. Предстояло собрать его воедино. Уже успели надрать на болоте и высушить мох, заготовить все необходимые пиломатериалы, шифер на крышу, нужное для выполнения внутренних работ. В июле Роман взял очередной отпуск.

В Новый Год справили новоселье.

Всё чаще Зоя мечтала о малыше. Она уже иногда вязала маленькие шапочки, пинетки, лёгкие маечки и кофточечки, прочую мелочь и бережно складывала в нижний ящик комод. Заводила разговоры с мужем. Обижалась, когда он уклончиво молчал.

- Ты знаешь, милая моя Заинька, - сказал он однажды, тяжело вздохнув, - я тоже очень хочу, чтоб семья наша была полной. Но, к сожалению, мы не можем иметь малыша. Я не имею права поведать всё. Ты помнишь, что я очень долго проходил курс лечения. во мне и крови – то своей уж нет. От чужих людей перелитая...И нас предупреждали, что прошедшим курс лечения нельзя иметь детей...Это опасно для их будущего.

Нет, он никогда не рассказывал – не имел права разглашать – о тех событиях, что произошли тогда на учениях и о той реабилитации, что пришлось пройти в госпитале. Всё это оставалось тайной страны и естественно экипажа их подлодки. Для родных существовала легенда о том, что облучение радиацией (этого, к сожалению, скрыть полностью было невозможно) они получили по нелепой случайности и совсем не в море, а в иных условиях. Никаких подробностей просто не было. И те несколько месяцев, необходимых для реабилитации, проведённые в госпитале, большой опасности для них не представляли.

Оттого Зое было непонятно почему ей нельзя родить любимому мужу сына? А она об этом просто мечтала! И ей снились чудесные сны, где она прижимала к себе маленького человечка, целовала щёчки, ручки, розовые пяточки и прикладывала это чудо к груди...

- Но ведь столько времени прошло, - шептала она Ромке.

И к знакомому врачу – гинекологу за советом обращалась. Никакой опасности тот, кстати, не находил. Ведь он не знал всей сути когда – то случившейся с Романом беды.

Да и Роман начинал думать, что случившееся в то страшное утро с экипажем, уже большем поросло. «Может и впрямь не столь страшен чёрт, как его малюют», - думал он иногда. И когда Зоя забеременела, отговаривать не стал. Так стали молодые Березины ждать пополнения.

Сынишка родился в срок, здоровый, крепенький, без каких – либо отклонений. Роман с Зоей даже не ожидали, что будут испытывать такую радость! В роддом он приехал с тортом, двумя коробками конфет и огромным букетом цветов. Он целовал жену, тещу и всех сестёр отделения, что вынесли ему долгожданный голубой свёрток, перевязанный

синей атласной лентой с огромным бантом. Из ажурного белоснежного кружева на него смотрело красненькое, синеглазое чудо с маленьким носиком и пухлыми щёчками. На глаза Ромки даже навернулись слёзы. «И я мог бы отказаться от этого чуда»! - мгновенно пронеслось в его голове.

Андрейка – вылитая копия отца. Любовь всей семьи обрушилась на пацана, будто лава, затопляя всё вокруг, немыслимыми чувствами. Самое лучшее – Андрейке! Все хлопоты – о нём! Всё внимание – ему! Кажется, вокруг маленького человечка закружилась вся Вселенная. Так продолжалось, пока однажды Роман строго не сказал: «Хватит улюлюкаться! Вы что все с ума посходили? Не надо столько баловства. Андрей должен расти МУЖИКОМ!».

И все приняли это, как руководство к действию. Только бабушка Клава, пока дома нет никого, наговаривала внуку: «Вишь какие: и побаловать Андрюшеньку нельзя. А мы им не расскажем, как обнимались, да любовались! Правда»? А он радостно гулил и дёргал бабушку то за нос, то за ухо, а то за волосы.

Весна набирала разгон. Опять просыпалась природа, возвращались в родные края птицы, радовалась человеческая душа.

Как – то вечером Зоя, после купания годовалого Андрейки, заворачивая его в мягкое полотенце, заметила.

- Надо бы , Рома, окрестить нам сына. Ведь жизнь длинная, в ней немало трудностей и испытаний. А крещёный человек и Богом храним.

Ромка молчал. Она посмотрела на мужа внимательно и повторила:

- Слышь, Ром! Окрестить Андрея предлагаю.

- Слышу, - тихо вымолвил Роман, - я ничего не имею против, Зоя, но только как ты себе это представляешь? Что будет с моей работой?

- Я как – то не подумала, что тебе нельзя,- растерянно произнесла Зоя.

Они замолчали, Каждый думал о своём. Роман вспомнил, как тогда на подлодке в минуты опасности молил Бога о спасении. И как верил в него. И он ли один в те минуты надеялся только на силу молитвы. Должно быть, и ребята, каждый по своему, просили о спасении душ только Бога. Так что крестить сына надо. Неизвестно что его ждёт в жизни. Но как?

За ужином уже сам он неожиданно вернулся к разговору.

- А что, мама, - произнёс он, не глядя на Клавдию Сергеевну, - Ваша подруга – коллега Мария Петровна ещё живёт в том городишке?

- А как же!? Живёт слава Богу. Порой созваниваемся. Повидаться зовёт, приехать. Да всё никак не соберусь.

- Так соберитесь. Я вот чего хотел узнать: есть у них там церковь?

- А как же, есть! Батюшка Василий служит там, - обрадовалась Клавдия Сергеевна.. – Очень хороший человек. Душевный. Я у него как – то на исповеди бывала. Ходили мы с Машей на службу.

- Вот и здорово! Позвоните ей. Пусть она со священником поговорит. Андрея окрестить надо...Здесь нельзя. Сами понимаете. А там другой район. Никто нас не знает. Вот и съездите с Зоей и сына возьмёте.

- Хорошо, - обрадовалась тёща, - завтра с утречка и позвоню. Она согласует день крещения. Съездим.

В её глазах вспыхнула радость. Ведь и сама она думала об этом. Да не решалась разговор завести. А тут, надо же, сам высказал желание. А Зоя счастливо улыбнулась и благодарно взглянула на мужа. «Спасибо тебе, любимый!» - думала она.

Когда день проведения обряда был согласован с Батюшкой, Клавдия Сергеевна с Зоей и Андрейкой приехали в Дубравинск, маленький городок, граничащий с Онежским райном. Чистенький, зелёный, он очень нравился Клавдии Сергеевне. И небольшой храм, что расположился за красивым озером на небольшом взгорье тоже нравился. Он был намоленным и не закрывался даже в годы лихолетья. Сразу за ним имелось маленькое кладбище, где покоились бывшие служители церквушки. Особенно святым местом было надгробие игумена Деонисия. К нему приходили, чтобы испросить здоровья и благословения на благие дела. Да и просто поклониться старцу, о котором хранилась добрая память и передавалась из поколения в поколение.

Отец Василий встретил прибывших с радостью.

- Рад, что для славного обряда избрали наш Божий Храм, - поклонился он.

Перед входом в церковь все перекрестились. Вошли в тишину и прохладу помещения, освещённого многочисленными свечами, наполненного запахами воска и ладана. Со всех стен смотрели на них добрыми глазами образа Господа, Богородицы, святых, Их светлые лики умиротворяли и проникали в душу, открывая её настежь и наполняя Благодатью.

По церковной традиции вместо младенца маме и бабушке предстояло отречься от дьявола и сочетаться с Христом. Вообще – то это должны были делать крёстные, но поскольку таковые у мальчонки тут отсутствовали, священник внёс изменение в обряд. Он попросил их с крещаемым на руках повернуться на запад, став спиной к алтарю,

поскольку символически эта сторона считается обителью сатаны и произнести слова отречения от дьявола и его злых деяний, затем дунуть и плюнуть в знак презрения нечистого. Затем Батюшка повелел повернуться к востоку, к стороне Господа, и высказать согласие на сочетание с Христом. Зоя, как мать прочитала молитву «Символ веры», которую она заранее выучила наизусть..

Далее началось само крещение. Батюшка поосвятил елей и воду в купели. Прежде, чем погрузить Андрея в купель, он помазал елеем его грудь, ушки, ручки, ножки, укрепляя ребенка на борьбу с дьяволом. Ему православному христианину придется вести на протяжении всей жизни.

Батюшка бережно взял малыша на руки и трижды погрузил его в чашу с водой, произнеся при этом громко : «Крещается раб Божий Андрей во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святого Духа. Аминь». Слова эти символизируют смерть для греха и возрождение для новой праведной жизни.

Клавдия Сергеевна приняла внука от купели. тщательно вытерла и одела в белую крестильную рубашку.

А Батюшка перекрестил малыша.

Затем началось таинство Миропомазания, наделяющее новокрещенного благодатной силой Святого Духа:

Кистью, смоченной благоуханным маслом, отец Василий нанёс крестики на лицо, живот, ручки, ножки со словами «Печать дара Духа Святого. Аминь».

Затем, вместе со священником и новокрещенным, они трижды обошли вокруг купели. А отец Василий, меж тем, отирая миро с тела Андрейки, приговаривал : «Ты крестился, просветился, миропомазался, освятился, омылся, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Когда Батюшка взял ножницы, чтобы завершить обряд, Андрейка неожиданно заплакал. Однако священник ласково погладил малыша и с улыбкой сказал: « Ничего, Андрей, не все кудри потеряешь! А плакать не надо, ты же мужик!» И крестовидно постриг волосики с головы ребенка. со словами: «Постригается раб Божий Андрей, во имя Отца и Сына и Святого Духа».

После внесения в алтарь отец Василий передал ребёнка маме и на следующий день после утренней службы пригласил к причастию

На следующий день они уехали домой в очень хорошем настроении, с чувством выполненного долга .

Так на Земле среди православных людей к великой радости родных стало больше на одного маленького христианина, которому предстоял жизненный путь под крылом светлого ангела – хранителя, хранимого волею Господа.

- А что, Марина, нравится тебе быть лаборантом? – спросил как – то старший мастер маслоцеха Евгений Сергеевич, когда прибежала она в цех, чтобы взять промежуточный анализ высокожирных сливок, поступающих в маслообразователь.

- Ага! – качнула головой Маринка.

- А не желаешь вот тут, у маслообразователя, поколдовать? – хитро улыбнулся он, кивнув на струю свежего масла, вытекающую из желобка в картонный ящик, которую в нём легко распределяла деревянной лопаточкой стоящая у аппарата помощник мастера Алёна Пашнина.

Марина удивлённо глянула на мастера. И растерянно полущёпотом вымолвила:

- А смогу?

- Давай, учись! А то Алёна вот через две недельки в декрет у нас собралась. Так что успеет научить тебя.

- А получится у меня?

- Получится! Ты ж у нас молодой, грамотный специалист,- засмеялся Сергеич, как звали мастера меж собою сотрудники. – Так что согласна?

- Ага.

- Тогда завтра с утречка и выходи в цех.

Новая работа захватила Марину. Ей нравился равномерный шум сепараторов, огромные танки с молоком, откуда оно шло на пастеризатор, а затем, пропущенное через сепараторы, поступало в большие баки для высокожирных сливок, где, согласно расчётам, их нормализовали до стандартных показателей и через охладитель направляли на маслообразователь. Готовые ящики с маслом взвешивали, упаковывали, заклеивали специальной липучей лентой и отправляли на хранение в холодный склад.

Марине очень нравилось целую смену неустанно следить за точностью операций, рассчитывать нужный процент для соблюдения рецептуры готовой продукции, выполнять важную и ответственную работу для качественного производства в ходе всего процесса.

В начале лета на завод приехала группа практиканток из профтехучилища. А вместе с девочками прибыла мастер производственного обучения, оказавшаяся Маринойной однокурсницей, Наташка Белова. С ней вместе проходили они преддипломную практику. И вот теперь свой трудовой путь начинала Наташка в ГПТУ, что существовало уже не один десяток лет на её малой родине, в селе Ромашково.

- Знаешь, а мне нравится работать с группой, - тараторила Наташка, - занятия проходят в цехах нашего маслосырзавода. Производственное обучение – один день в неделю. Остальное время – работа с группой: воспитательные мероприятия, самоподготовка, политинформации, субботники, дежурство по общежитию, организация досуга и всё прочее. Мне нравится.

На заводе Наташка тоже постоянно находилась со своими воспитанниками на рабочих местах. И звали её девчата Натальей Васильевной, что было непривычно для слуха и ужасно нравилось Маринке. Она со стороны завидовала подруге, её энергии, умению заинтересовать учащихся и вникнуть в процесс производства на каждом участке.

Время летело быстро. В конце практики Наташка неожиданно предложила Марине:

- Поехали работать к нам. В училище требуется мастер производственного обучения. Кстати, как раз на группу мастеров – маслоделов.

Предложение Марину заинтересовало. В очередной свой выходной они поехали с Наташей в Ромашково.

Директор училища Антон Семёнович Алёхин принял девчат с готовностью. Выслушал внимательно.

- Было бы здорово, получить в мастера человека, что имеет опыт практического знакомства с процессом выработки продукции,- резюмировал он, выслушав подруг. – С удовольствием покажу наше учебное заведение, общежития, базовое предприятие. Да и жильём обеспечим.

И Маринка приняла решение: попробовать себя в этой новой должности. Благо всё складывалось так удачно. Процесс перевода решился благополучно, и на исходе августа она приняла свою первую учебную группу. Теперь и её звали Марина Викторовна. В её судьбе наступил переломный момент и начался новый виток в жизненной биографии.

Свою последнюю производственную практику Марина проходила вместе с Наташей Беловой в большом поселении с красивым названием Вербена. Село утопало в зелени тополей и клёнов, в аромате цветущей сирени и белой пене черёмух. Центр украшал дизайнерски оформленный сквер. Здесь уже ярко цвели первые весенние вестники – тюльпаны всех расцветок от белых, жёлтых до ярко – малиновых. А в середине сквера расположился небольшой фонтанчик - скульптура сказочного мальчика – эльфа, держащего в руках над головой огромный цветок, из которого мелкими струями бил водяной поток. И эта картина делала всю территорию сквера уютной и очаровывала какой – то неземной красотой. Оттого на скамейках всегда кто –нибудь отдыхал, у фонтана прыгали неугомонные ребятишки, а малыши копошились в огороженной низкими

скамеечками песочнице под огромным разноцветным грибом на противоположной от фонтана стороне.

Кстати, площадь эта находилась в близком соседстве с торговыми и культурными объектами: двухэтажного универмага, сверкающего яркой неоновой вывеской гастронома, остеклённого снизу доверху кинотеатра, небольшого и уютного комбината бытовых услуг и других зданий, отделанных белым кирпичом. Тут же поблизости расположились палатки и прилавки с газировкой, соками, мороженым. Весь центр села напоминал добрую и неповторимую сказку.

Но особой гордостью вербенчан был местный Дом культуры – большое белокаменное здание в окружении кустов сирени и акаций. К его территории примыкала огороженная низенькой узорчатой оградкой танцплощадка, в глубине которой располагалась крытая, освещаемая фонарями возвышенность для оркестра.

Одним словом, вся обстановка в Вербенах напоминала маленький уютный городок. Даже в родном Маринкином Онежском не было такой красоты, как тут.

Сепараторное отделение, где предстояло девочкам проходить практику и собирать материал для дипломного проекта, расположилось километрах в полтора за окраиной села за огромным озером, поросшим у берегов камышом, да осокой. В нём не купались. Правда ближе к селу берег был вычищен и имелись плотки, где можно было брать воду для полива. А ещё в озере сельские мужики и пацаны ловили с них рыбу. Говорят, что в этом озере водились змеи. А возможно считали таковыми ужей. Дорога, ведущая к сепараторному отделению, огибала озеро. Хозяева, у которых поселили девчат, предупреждали:

- Вкруг озера по дороге осторожно ходите, там могут и змеи выползти. Не дай, Бог, наступите. Тут беда. Особенно вечерами, как с отделения возвращаться будете.

Только однажды довелось им «встретиться» со змеей. А дело было так. Рядом с сепараторным отделением в добротном доме жила семья Золотниковых. Хозяин, Артём Кузьмич, охранял отделение, и числился на нём слесарем: мало ли выйдет из строя какое – либо оборудование. Ремонт его и занимался Артём Кузьмич. Держали Золотниковы большое хозяйство, сад и небольшую пасеку, Благо поблизости были луга, перелески, медоносные травы, да чуть поодаль гречишные поля. С их дочкой Галинкой подружились девчата. Нередко в перерывах, когда приходилось ждать запаздывающих из хозяйств на сдачу молоканов, прибегали к ней повидаться. Однажды, как обычно, весело болтали о том – о сём. Наташка сидела на низенькой ступеньке широкого крылечка, а Маринка стояла поодаль под яблонькой. Галка в кухне допекала творожные ватрушки, собираясь угостить подруг. Как раз в тот момент, когда она вышла из дверей на крылечко, Наташка удивлённо произнесла:

- Сколько живу, а такого большого червяка в жизни не видывала.

И повела глазами чуть в сторону. Маринка, проследив за её взглядом, устремила в направлении глаза. И увидела, как в сторону крыльца от кустов вишняка ползёт длинный, тонкий, чёрный червяк. Длина его достигала сантиметров семьдесят. А вышедшая Галка стремительно бросилась в сенки и полушёпотом позвала:

- Пап! Быстрее! Там у крылечка змея!

Артём Кузьмич тут же вылетел на крыльцо с вилами в руках. благо они в сенях под рукой оказались. Метким ударом вонзил их в голову ползущей гадюки. Она извилась всем телом. А «охотник», меж тем, уже вооружился топором и отрубил ей голову. Девчонки не

успели сообразить, что произошло. Лишь потом со страхом думали, что могло бы быть не выйди в тот момент на крылечко Галинка.

На работу Марина с Наташей ходили утром и вечером, когда шло поступление молока из близлежащих колхозов и совхоза. После утренней приёмки, перерабатывали молоко, пастеризуя и пропуская через сепаратор. Полученные сливки охлаждали и отправляли на головное предприятие в райцентр. Возвращались около обеда, а вечером шли на вечернюю приёмку, которая затягивалась до десяти, а то и одиннадцати часов. А потом был их вечер: танцы и гулянья! И, конечно, появились кавалеры, с которыми не скучно было провести свободное время.

Наташка, буквально в первый вечер посещения танцплощадки, познакомилась с Сашкой. Был он среднего роста, сероглазый, с пышной шевелюрой кудрей и бакенбардами, за что все кликали его - Пушкин. К тому же и отчество у него было – Сергеевич! Сашка слыл шутником и балагуром, знал наизусть несметное множество стихов своего знаменитого тёзки. Вставлял известные изречения в ходе любой своей беседы. И надо сказать, в речь его они вплетались довольно удачно.

Марина из всех желающих с ней погулять кавалеров, выбрала Федьку Порошина, по прозвищу – Порох. Федька – среднего роста, крепкого спортивного телосложения, с коротким ёжиком тёмных волос, чёрными, будто смородина, глазами, отличался серьёзностью. Был не особо болтлив. Говорил больше по делу, но пел исключительно. Особенно песни Высоцкого. Играл он на ударных инструментах в местном вокальном оркестре. И, конечно, пел. Марине особенно нравилась в его исполнении песня «Берёзовый сок». Она представляла Федьку в берёзовой роще, среди высоких трав и на фоне птичьих трелей. А когда он провожал Маринку после танцев домой, то брал с собой гитару. Устроившись в сквере на скамье, играл и пел. Она зачарованно слушала.

Иногда летними вечерами парни к концу смены приезжали на отделение на мотоциклах и увозили девчат домой. Быстро переодевшись, все вместе уходили на танцплощадку.

После практики девчонки уехали в техникум. Им предстояло написать дипломы, выполнить чертежи и в конце года маячила защита.

Федька писал Марине очень тёплые письма. Она отвечала. В октябре он сообщил, что его призывают в армию. Приглашал на провода. И по всему было точно ясно, что он делал ставку на Марину, как на свою девушку.

Маринка на провода не поехала. Служить Федька попал на границу. Его письма продолжали приходить ещё несколько месяцев, пока сама Марина не посчитала нужным прервать переписку.

Диплом она защитила успешно. По направлению в Пермскую область не поехала. Трудовой путь начала в родном краю, воспользовавшись тем, что Клавдия Сергеевна, имея группу инвалидности, сумела похлопотать в инстанциях, чтобы дочку оставили при ней.

Дембельский альбом – святое святых, кто прошёл армейскую службу. Был ли он пограничником, танкистом, десантником, моряком... В том альбоме хранились фотографии тех, с кем рядом, бок о бок, довелось провести время становления мужчиной, испытать радости и трудности армейской службы, научиться дружбе и верности, обрести жизненный стержень.

Порой, на тех фотокадрах, что хранились в дембельском альбоме, чего – то и не было на самом деле. Просто оказался в нужное время в нужном месте, а друг – сослуживец щёлкнул на память.

У Ромки такого альбома не было. Знать – итог того несчастья, что выпало на долю экипажа. Разумеется, имелись фотки, но немного и сделаны они задолго до дембеля.

Однако главным своим армейским сокровищем считал Ромка «Диплом» под номером 10, что получил он, как член экипажа, где значилось: «Только побывавшему за Полярным Кругом», и выписан он лично Березину Роману. А далее:

*Мы, царь и владыка морей и океанов,
Повелитель бурь, штормов и ураганов,
Защитник избранных кораблей и судов,
Самодержец всех рыб, моржей и китов.
А также всей живности морской.
Мы поддерживаем на море покой,
Нам подчиняется любой злой тайфун.
Мы – есть грозный Морской Бог Нептун!
Вам Мы вручаем, как лучшему другу,
Диплом этот – ключ от Полярного Круга,
В знак пребывания в сей памятный год
За островом Врангеля в пустынном льду.
Где у купола Северного Полюса Земли
Почти не бывают суда и корабли.
И за участие в операции «Зенит»
Вас Бог Морской Нептун благодарит!
Своим походом Вы упрочили державу.
Пусть живёт её морская слава!
Порукою дружбы моё крепкое слово.
Фут воды Вам под килем корабля,
Чистой воды без малейшего льда,
Счастливого плавания в Арктику всегда!
Нарекаем навечно Вас, крепыша:
Истинная морская арктическая душа.
Что мною и моим трезубцем заверяется.*

Без него действительным не считается.

К сему и руки свои прикладываем

Морской Бог: Нептун

Морской секретарь: Русалка

И всё честь по чести с подписями и печатями.

Несмотря на условно шутейную процедуру вручения этого документа, считали его моряки – подводники довольно важной вехой в своей армейской биографии и берегли, будто зеницу ока.

Ту морозную февральскую ночь экипаж подлодки запомнил до конца жизни.. Ледяной ветер пробирал насквозь, заставлял стоящих на мостиках офицеров кутаться в меховые куртки. Две подводные лодки, Северного и Тихоокеанского флота, ещё находясь на поверхности, прибавили скорость. Но вскоре ушли на глубину и взяли курс на запад, чтобы под водой пройти Атлантический океан с севера на юг, а затем, в Тихом океане подняться в северные широты к Камчатке.

И только теперь личному составу сообщили о целях и задачах похода. В обращении главкома ВМФ к личному составу отряда говорилось о том, что им, морякам - подводникам «...оказана высокая честь совершить длительное подводное кругосветное плавание. Вам предстоит пройти по океанам и морям, где более ста лет не ходили русские военные моряки. Ваш поход - важное событие в истории нашего Военно-Морского флота. Мы твердо верим, что вы успешно преодолеете все трудности и с честью пронесете советский Военно-морской флаг через два океана и многие моря. Счастливого вам плавания, боевые друзья!"

Путь был нелёгким. Когда он уже был преодолен более, чем наполовину, врачи начали отмечать повышенную раздражительность, снижение жизненного тонуса, ухудшение аппетита у отдельных моряков.

Командование в работе с личным составом учитывало подобные настроения. Принимались меры по снятию морально-психологической напряженности. Изо дня в день экипажи лодок приближались к конечному пункту плавания - военно-морской базе, расположенной на Камчатке.

Правда, немало волнений испытали штурманские службы обоих атомоходов, готовясь к этому событию. Несмотря на надежную работу навигационных приборов, ведение трех прокладок - автоматической, ручной и аналитического расчета, подводные течения, погрешности в счислении и другие факторы, влияющие на точность курсов, были достаточным аргументом для сомнений о возможности попасть точно в "яблочко" - точку встречи. И, наконец, трансокеанский переход завершился, оба атомохода ошвартовались у причала.

Этот памятный, небольшой и для других совсем незначительный Диплом на плотной бежевого цвета бумаге с изображением льдов, и на фоне их голубоватым военно-морским крейсером бережно хранил Ромка вместе со своей бескозыркой, с золочеными якорями на лентах.

С недавних пор жизнь Сергея Попова превратилась в ожидание чуда. Причина крылась в том, что он встретил Марину. Девчонка, как девчонка. Ничего особенного. А вот, поди ж ты, зацепила чем – то! И раньше, ещё до армии, навевались они с ребятами в общежитие молочного техникума, знакомились с девчатами, гуляли, посещали танцплощадку. Но в армию его никто из подружек не провожал. Правда, была одна студентка, родом из Оренбуржья. «Клеилась» по полной. И даже обещала ждать, Только Серёга к ней особых чувств не питал, и жизнь свою не усложнял какими – либо обещаниями. Оттого и на проводы не счёл нужным пригласить. Хотя потом какое – то время переписывался с ней.

Служба на флоте стала важной вехой его биографии. Три года, проведённые на корабле, закалили волю, воспитали мужественность, умение дружить и сделали мужчиной. Вернулся в родное Ромашково совершенно другим человеком. И уже совершенно не тянуло в общежитские пенаты, где, по его представлению, жили малолетки.

С Мариной он познакомился на встрече КВН в местном Доме культуры. Её группа участвовала в состязании с местной командой учащихся средней школы. Зал шумел и радостно аплодировал, когда счёт переходил то на ту, то на другую сторону. Болельщики сидели по разным сторонам его: слева – школьники, справа – ПТУшники.

Марина крутилась за кулисами, со своими неутомными девчонками - молоканками. Сергей находился по другую сторону «закулисья» с командой школьников, где он начинал работать физруком. Они являлись ярыми соперниками. И всякий раз, когда их команды вырывались вперёд, показывали из – за кулис друг другу поднятый вверх большой палец, а коли команда проигрывала, строили из пальцев известную фигуру – фигу. Это было очень смешно наблюдать. Однако, надо было видеть, как всё это воодушевляло, или огорчало их воспитанников. Оттого встреча проходила довольно эмоционально и весело. В итоге победу одержали молоканки! Но школьники себя побеждёнными не считали: подумаешь один балл! И то в самом финале! Решили, что в другой раз встретятся в спортзале на соревнованиях по волейболу. Так завязалась дружба между школьниками и ПТУшниками. А стало быть, и их наставниками – мастером производственного обучения Мариной Викторовной Быковой и школьным физруком Сергеем Васильевичем Поповым.

Целый день Сергей ждал вечера. Вернувшись с работы, быстренько переодевался, ужинал и спешил на знакомую улочку, где в угловой небольшой и уютной комнатке, в

крестовом доме, через отдельный вход, жили мастера производственного обучения ГПТУ Марина Быкова и Надя Слесаренко, которая окончила училище в прошлом году и осталась здесь работать. Была она очень смешливой, неутомимой девчонкой, находчивой и постоянно куда – то спешившей. Ещё будучи учащейся училища, начала встречаться со Славкой Абрамовым, молодым худруком Дома культуры. Он был под стать Надьке – общительным, весёлым. Постоянно что – то выдумывал и организовывал. Наверное, этот оптимизм и стал для них той благодатной почвой, на которой взошла и выросла любовь. А то, что она существует, никто не сомневался, поскольку всегда и во всём были они неразлучны и легко находили общий язык. Некоторые талантливые девчонки из Надькиной группы вскоре стали петь на сцене Дома культуры в вокальной группе «Веселушки», под аккомпанемент Славки. А он в училище помог организовать танцевальную группу «Каблучок».

Сергей с Мариной каждый вечер уходили или в кино, или гулять по тенистому парку стадиона, на берег большого круглого, будто огромная чаша озера, вокруг которого по берегам раскинулось Ромашково. Вода в озере, чистая, прозрачная, имела удивительно голубоватый цвет. В погожие летние дни в нём отражались белые облака, яркое солнце и казалось, что небо упало в его глубь. Зимой на прозрачном льду расчищали каток, оборудовали корт, где с удовольствием каталась ребятня, а те, кто постарше, увлечённо играли в хоккей. В выходные дни даже тренировалась хоккейная команда.

Иногда наведывались в гости к Серёгиному другу Витьке. Играли в домино, весело резались в карточного дурака, слушали музыку.

Когда Серёга сделал Марине предложение, она приняла его, как должное. Ведь полтора года «отгуляли». Все уже привыкли к их неразлучной паре. Кстати недавно и Славка с Надькой создали семью.

Свадьба была скромной. Профком училища выделил молодым однокомнатную квартиру в двухквартирнике. И счастье, скрашенное любовью, поселилось в домике под огромным раскидистым кустом черёмухи, которая по весне, будто белым покрывалом, окутывала двор, наполняя его пьянящим ароматом.

Часто наведывались Поповы в Онежский. Здесь им были рады всегда. Сергей и Роман легко нашли общий язык. Возможно, потому, что оба служили на флоте. К тому же, их главной водной артерией являлся Тихий океан. Они вспоминали время, отданное флотской службе. Лишь одна тема никогда не затрагивалась – авария. О ней Роман молчал. У Марины с Зоей сложилось мнение, что Сергей вообще ничего не знал об этом периоде Ромкиной биографии.

Случалось, что в летние дни всем семейством выбирались отдохнуть от забот и хлопот. Уезжали в лес. Там, кем – то неизвестным, добрым человеком, а может и группой любителей активного отдыха, несколько лет назад на большой поляне, среди старых раскидистых сосен был оборудован удобный уголок. С длинным столом и такими же скамьями из хорошо выструганных досок, с прочно вкопанным мангалом и оборудованным кострищем, где устойчиво установлена чугунная тренога с крепким крючком для котелка. Никто это становище не рушил и, побывав на отдыхе, каждый убирал за собою остатки пиршества, чтобы другие тоже имели возможность отдохнуть. Приготовленная на костре уха, поджаренные на мангале шашлыки и смородинный чай были особенно вкусны.

Когда Ромка брал аккордеон, все замолкали и ждали, когда он запоёт свою любимую «Чайку» Тихим, приятным голосом, задумчиво глядя куда – то вглубь лесного простора, он выводил:

*В том городе юном, где синие дали,
Где воздух, цветы и тепло,
Ее черноморскою чайкой прозвали,
И имя ее подошло.*

- Чайка! - повторяли невольно уста.

- Чайка! Ты как пена прибоя чиста.

- Чайка, черноморская чайка,

Белокрылая чайка, моя мечта!

Песня заканчивалась. А он ещё долго сидел, склонив голову на аккордеон. Эту песню они с ребятами любили петь в кубрике, когда тихими вечерами собирались вместе. Тогда ещё далеко было до беды ждавшей их.

Потом Зоя, придвинувшись к нему, таинственно клала голову на плечо и тихонько шептала: « Ты назови меня Солнышком...» И он, будто вернувшись к окружающим, мгновенно преображался, будто уносился в юность, чуть прикрыв глаза, с чуть заметною улыбкой начинал:

Часто сижу и думаю,

Как мне тебя называть,

Скромную, тихую, милую?

Как мне тебя величать,

«...Я назову тебя зоренькой,

Только ты раньше вставай.

Я назову тебя Солнышком,

Только везде успевай.....»

И все начинали тихонько подпевать ему, легко вспоминая слова старой, но такой дорогой песни. Она была негласным гимном любви семьи Березиных.

А потом пришла беда. Нежданная и страшная. Она грянула, будто гром среди ясного неба. Обрушилась тяжёлой утратой. Погиб Роман. Смерть его случилась в субботний сентябрьский день. Стоял солнечный погожий денёк бабьего лета. В палисадниках царствовало яркое убранство из цветов, гроздья рябины висели на кустах, словно фонари. Небо, синее и безоблачное, обнимало мир вокруг шёлковым куполом. И берёзы уже оделись в золотой царственный наряд. Журавли прощально окликали родные просторы, прощаясь до будущей весны. Были над землёю мир и благодать.

Тёплый ласковый вечер опускался над посёлком. По – деревенски топились бани, и плыл знакомый томный запах берёзового дыма. Ромка отправился проверить баню. Она

была уже готова и можно отправляться на помывку. И тут вдруг оказалось, что нет электричества. Везде есть, а в бане – нет. Ромка принялся искать причину. Оказалось – на входе повреждён провод. Просто порвался. Делов – то: соединить и всё! Да видно тут и притаилась коварная смерть. Не поберётся Ромка – решил по – быстрому соединить место порыва провода. Всё взял: и плоскогубцы, и ножичек, и изоленту, и коврик резиновый подстелил...Встав на табурет, принялся зачищать и соединять тоненькие проводки... Вот тут и ударило его током...

На похоронах народу собралось много. При ехали представители всех комсомольских организаций района. Казалось, весь Онежский пришёл проститься. Похоронная процессия была нескончаемо длинной. А оркестр печально плакал, провожая в последний путь неугомонного, весёлого, так неожиданно шагнувшего за черту жизни, Ромку.

Зоина жизнь будто враз остановилась, потеряв самое дорогое, родное, любимое. Она осунулась, потемнела лицом, утратила жизненную энергию, потеряла всякий интерес ко всему окружающему.каждый день превратился для неё в ещё один день без него... она часто ходила на могилу, с самым высоким на всём кладбище памятником с красной пятиконечной звездой, с которого с улыбкой смотрел с фотографии Роман.

Известное изречение «Время лечит» работает по – разному: для кого – то это время идёт быстрее, для кого – то медленнее, а для некоторых не кончается никогда. Для Зои оно тянулось унылыми днями и часто бессонными ночами. Спасала молитва. Каждое воскресенье ходила в храм. Отец Сергей исповедовал и причащал её. Советовал отпустить тяжёлые мысли, молиться, чтоб там, в мире ином, не страдала душа Романа, просить Господа отпустить ему грехи и прегрешения, дать ей успокоение. Нередко Зоя приходила в церковь вместе с Андрейкой. Причащала его. Он уже знал, что надо ставить свечу за здоровье мамы, бабушки, тёти Марины и дяди Серёжи, других родных, о ком говорила мама. А потом она вела его к кануну - особому столику, в котором имеются небольшие ячейки для свечей, что предназначались за упокой. За столиком стояло Распятие Христа, где они ставили самую большую красную свечу за упокой папы. Маленький Андрюшка был уверен, что изображённый на распятии дядя – это и есть его папа, который живёт высоко в синем небе, за пушистыми облаками и за ясными звёздами. Что оттуда он видит и маму, и бабушку, и его, Андрейку. За них он тоже молится в далёком неведомом храме. Мальчишка даже верил, что когда – нибудь папа непременно вернётся. Он даже сказал однажды батюшке: «Отпустите папу домой. Я по нему сильно соскучился!», на что отец Сергей лишь печально улыбнулся и ответил: «Не в моей власти, малыш, Судьба папы твоего. Он теперь в Царстве Божием и только Бог располагает им. Пусть он живёт в сердце твоём и проси Господа, чтоб дал он папе Божью Благодать!» андрейка соглашался и кивал головой. Он был уверен, что тут в храме живёт папина душа.

На Радоницу всей семьёй посещали кладбище. Шли туда словно на праздник, несли цветы, угощение. Особенно радовался Андрейка. Он бережно клал цветы рядом с памятником Романа и взволнованно произносил: «Возьми, папочка, цветочки. Я люблю тебя и принёс их тебе». И он верил, что потом, когда все уйдут домой с кладбища, папа опустится оттуда, с голубых небес, сядет за стол, где они оставили угощение. А потом заберёт цветы и с ними вернётся в Царство Божие.

Постепенно время сглаживало воспоминания. Но 13-е сентября - день гибели Романа – оставался датой, когда родные собирались вместе и поминали его в кругу семьи. Это стало традицией.

Спустя тринадцать лет Зоя вышла замуж. Она долго и отчаянно сопротивлялась Судьбе. Но в итоге приняла решение. С Матвеем Шевелёвым учились они в школе. Жили в одном дворе, по – соседству. Вместе играли. Когда кто –нибудь из ребят обижал Зою, он смело вставал на её защиту. В начальных классах каждое утро стучал в её дверь, и они вместе шли в школу. Даже рюкзаки у них были одинаковые. После занятий он ждал её на крыльчке, и они опять неразлучно шагали домой. В старших классах оставались друзьями, вместе бегали в кино, делились секретами. Она даже шутила: « Моя главная подружка – Матюша!», он не обижался. После выпускного он уехал учиться в железнодорожный техникум. После службы в армии в Онежский не вернулся. Обосновался в Подмосковье, где вскоре женился. С женой Кирой жили счастливо, вырастили сына Димку – талантливого и очень доброго парня. Он стал пианистом, а жизненную дорогу связал с музыкой.

Несколько лет назад в Онежской школе организовали вечер встречи выпускников. Их выпуск оказался юбилейным – 25 лет. Нашли всех, кого сумели, разослали приглашения. Готовились как к великому празднику: обсудили кто у кого остановится, если уже нет родственников, выбрали кафе, определили время прибытия. Написали сценарий встречи, пригласили своих бывших учителей. И, конечно, в школьном актовом зале развесили плакаты, фотографии, украсили шарами и лентами, разместили музыку. В классах, где учились в выпускной 10 – й год, было много цветов, плакатов. Каждая парта несла информацию о тех, кто сидел за нею в тот год. Выпускных классов было три – А. Б. В- , но собрать всех приняли решение в одной аудитории, поскольку на встречу ждали около 15 – 20 ребят, которые откликнулись.

Вот на эту встречу и приехал Матвей более, чем через четверть века. Остановился у друга – одноклассника Миши Богданова, жившего по – соседству с Зоей. У неё остановилась подруга юности Зинка Збруева, она же Зишка, приехавшая в родной посёлок из Перми вместе с мужем Захаром.

Матвей погостил на малой родине пять дней. Торопился. Жена Кира болела, и он оставил её на попечение сына и его девушки Ирины.

На железнодорожном вокзале Матвея и Зишку с Захаром Зоя провожала в один день. Прощаясь, все обменялись адресами, телефонами и обещаниями встретиться года через два – три.

Спустя два месяца у Матвея умерла от онкологии жена. Он очень переживал потерю. Не мог места себе найти. Вот тогда – то и принял решение вернуться в Онежский. Купил небольшой домик, работать определился дорожным мастером–обходчиком в железнодорожном депо на станции. В его обязанность входила проверка исправности дорожного полотна на участке, а также устранение неполадок. Работа несложная, однако связана почти с постоянным пребыванием на улице. Его это, в принципе, удовлетворяло.

А через год неожиданно сделал предложение Зое.

- Ты одна и я один. Почему бы не объединить два наших одиночества? - сказал он. Так , расписавшись, стали они жить вместе. Андрею уже исполнилось 15 лет. Решение матери он принял с радостью. С Матвеем они подружились и нашли общие интересы.

Жизнь не стоит на месте. Она в постоянном движении. Сколько в ней радостей, сколько трудностей. А сколько горьких моментов. Но как бы она ни складывалась, жить хочется всегда. Порой Марина, перебирая в памяти вехи своей жизни, вспоминала светлые и тёмные её полосы. Пожалуй самыми чёрными были девяностые, когда рушилось всё – привычный уклад жизни, главные ценности, культура, вера в завтрашний день....Они нагрянули, будто из преисподней, напоенные жестокостью, несправедливостью, мракобесием, словно выплеснув на грешную землю весь яд самых низких побуждений, грязь и испражнения, осквернение всего святого, вульгарность и вседозволенность. Не стало нашей Родины = Великого Советского Союза. И утонули в мутной бездне времени все самые светлые мечты и стремления. Вся Россия, обездоленная и нищая, превратилась в сплошную барахолку, где процветало царство чужих людей, главным образом кавказцев, сто наполняли рынок сомнительными товарами. А народ по – прежнему выживал - зарплату не платили, полки магазинов оставались пустыми. Куда ни кинь взгляд - всюду дефицит. Бесконечные очереди за самым необходимым. В руки отпускалось ограниченное количество товаров. Приходилось «таскать» по очередям детей, чтобы получить дополнительный кусок мыла, тюбик зубной пасты или в продуктовом магазине килограмм сахара. На предприятиях вместо денег к выплате начали выдавать всевозможные «талоны». В обиход вошёл бартер, когда в счёт заработанных денег в организациях выдавали продукцией, которую, в свою очередь, выменивали на производимые товары на данном промышленном объекте.

Как на мутной грязной отмели плодились всевозможные криминальные элементы – «братки», «паханы», «друганы», которым было доступно всё, кроме чести и совести, дозволено тоже всё. И не существовало никаких ограничений. Закон для них был не писан. Надев малиновые пиджаки, побрив наголо головы, они считали себя «пузом мира». Этим наглым быкам ни в чём не было запрета. А что же власть? Да не было её в те страшные годы! Поджав хвосты и сильные власти тоже гребли под себя! Это сегодня мы до дрожи внутри вспоминаем пьянь Ельцина, оборотистых хитро - наглых Гайдара, Чубайса и прочих властью титулованных жуликов. Даже пресловутую приватизацию сгребших в свои бездонные карманы. А тогда, растерянные, обманутые, измотанные в конец всевозможными нововведениями люди не знали - кому верить, за кем идти. И куда идти...

Отдушины не было ни в чём. Культура «ухнула» в ту же бездну, наполнив экраны телевизоров бессмысленными, пустыми песенками ни о чём. Полуголые красотки, безголосые юнцы выскакивали на сцену и в экстазе орали непонятные, бьющие по нервам подобию «искусства», именуемые песнями. Даже именитых певцов и певиц жестокое время превратило в «искателей нового музыкального жанра». Невозможно было поставить на один уровень добрые талантливые песни Игоря Талькова, Валентины Толкуновой и безвкусицу, преподносимую киркоровым, лазаревыми, булановыми, долиными и прочими представителями совсем недавней талантливой элиты советской эстрады.

А фильмы!? Многие из них превратились в длинные сериалы – мыльные оперы, с показом криминала, насилия, бесконечных постельных сцен и подобной бездуховности...

Доходы, что откладывались на нужды, обесценились, просто – напроосто пропали в результате обвалившейся экономики, финансового кризиса, денежного дефолта...Сергей с Мариной мечтали купить свой дом на земле. И накопили уже почти достаточно. Но в тот день, когда в момент рухнули вклады, навсегда рухнула и их мечта...

Судьба страны коснулась судеб миллионов людей. Говорят где – то там, на небесах, есть «Книга Судеб». В ней расписаны Судьбы каждого живущего под Солнцем. Интересно было бы почитать ту книгу. Марина верила в её существование. Ведь не единожды приходилось ей звать на помощь силы небесные. И в милость Господа она верила. «Всё в воле Божией, - говорила она в минуты нелёгкого жизненного выбора, или когда искала ответ на трудные вопросы, когда неустанно стремилась к достижению цели. И верила: Господь поможет. А уж когда приходила беда была уверена: за грехи земные послал Бог испытания.

Летний вечер неслышно опускался над посёлком. Июльская жара потихоньку таяла. Солнце опускалось за разлившийся вдоль горизонта ярко бордовый полог неба. Зелень листвы на деревьях увяла. Трава на газонах казалось посерела от пыли. А земля затвердела, будто каменная, потрескалась. Природа ждала дождя...

Марина стояла у окна в ожидании Сергея. Он уехал на велосипеде к Зое. По всем подсчётам уже должен был вернуться. Но не видно было даже вдалеке. Марина начинала нервничать. Обещанные на ужин блинчики откладывались на неопределённое время. Сергей должен был привезти молоко. Теперь Зоя уже, вероятно, подоила корову. А Сергея всё не было.

Он появился спустя почти час. Вошёл тихий, какой – то потерянный. Банки с молоком не было.

- Что так долго? – вышла навстречу Марина. – А где молоко?

- Ты сядь, - вымолвил он.

- Что случилось.

- Сядь. Сядь, - повторил он.

Она удивлённо посмотрела на мужа. Молча уселась на придвинутый к кухонному столу табурет.

- Постарайся принять спокойнее... Зою застрелил пьяный сосел Василий.

- Как? – прошептала Марина. – Не может быть...

- Собирайся. Надо идти.

Но она уже не могла никуда идти. Не смогла даже подняться. Ноги дрожали. Голова кружилась. Казалось, что она сейчас потеряет сознание. Нужно было взять себя в руки. Сергей уже ушёл к соседу, договориться, чтоб он увёз их с Мариной на тот берег реки к сестре. К тому же следовало пристроить девчонок – Людочку с Катей.

На деревенской улице, поблизости от Зоино дома, многолюдно: соседи, сотрудники милиции, «Скорая»... Настежь ворота. Она лежала прямо за воротами, на спине. Внизу живота кровавое пятно... Рядом, на коленях, Матвей с Андреем... Марина бессознательно, выскочив из машины, бросилась к мёртвой сестре, зарыдала, упав на тёплую ещё грудь...

Смерть сестры стала для Марины страшной и тяжёлой утратой. Ведь только два года назад ушла в мир иной Клавдия Сергеевна. И ещё не успела от смерти матери затянуться рана в душе, как новая беда свалилась на голову. Да и с Андреем не всё было в порядке: неизвестно откуда пришла страшная болезнь – эпилепсия. Приступы случались ежемесячно и, чаще всего, в моменты каких – либо душевных волнений. Зоя считала, что это результат облучения, полученного некогда Романом. Врачи никаких комментариев не давали. Теперь Марина опасалась усугубления болезни.

Так что же случилось в погожий июльский вечер?

Быковы и Протасовы - давние соседи. Их пятистеночки стояли рядом, усадьбы разделял невысокий редкий заборчик. Жили дружно. И с радостью и с житейскими проблемами Клавдия и Евдокия спешили друг к другу. На праздники среди званных гостей всегда была и соседка. К тому же всегда доброжелательная Дуся помогала и на стол собрать и после пиршества всё убрать.

Евдокия рано овдовела. Упавшая на лесной просеке сосна привалила её Стёпушку. И замуж она больше не вышла. И никто не знал от кого родила она вихрастого забияку Ваську. Рос он будто дикое деревце: не было у него ни друзей, никаких – то увлечений. Его обидно дразнили Васькой Дуниным. В школе учился без интереса. Рано пристрастился к табаку. И в 13 лет украл кроликов в чьей – то деревенской сарайке, за что чуть не попал в детскую исправительную колонию. Благо не стали сердобольные односельчане ломать судьбу пацана. Плакала Евдокия и пыталась внушить непутёвому Ваське, что он для неё одна надежда и не для тюрьмы она его растила. Васька, опустив в пол глаза, клялся, что никогда больше не обидит мать. Держал ли слово? Неведомо. Но переживала она о нем постоянно. Когда связался он, подросток, с непутёвой компанией, сама ходила к участковому, просила принять воспитательные меры. Бдительный Павел Акиндинович взял парня под строгий контроль.

В восемнадцать лет Евдокия женила своего непутёвого оболтуса на тихой, покладистой Варваре – девушке из дальней деревни. А осенью проводили Ваську в армию. Со службы его мать уже не дождалась. Быстро свела её в землю проклятая болезнь - онкология. А вернувшись после службы в родную избу Василий жили с Варварой тихо и мирно, растили сына Николку, работали на местном маслозаводе.

Правда случалось скандалил Васька по пьянее, но «где ж его взять мужика без крику, да кулака?» - твердила Варвара и жила с мужем безропотно.

В тот злополучный июльский вечер Василий был «под мухой». Когда во дворе залаял пёс, вышел на крыльцо и увидел гуляющую по огороду курицу. Никак от соседки забрела. Шикнул на собаку. Подняв камень, бросил в непрощенную гостью. Курица громко завохотала и бросилась в траву у заплота.

- Ах ты! – зло выругался Васька и кинулся вдогонку. Курица принялась носиться по огороду. Он бросал в неё палками, камнями, бегал между зелёных грядок и по ним, по картофельной ботве и уже немилосердно матюкался. Напуганная шумом, на крыльцо выскочила Варя.

- Василий! Охолопись! – кричала она. Но он уже не мог «охолониться» и гнал несчастную курицу. Она, найдя в заборе подходящую дырку, ретировалась на свою территорию и побежала с громким квохтанием. А Васька кинулся в сени, распахнул кладовку и схватил охотничье ружьё.

- Вася! Опомнись! – кричала у крылечка Варвара. Но он резко оттолкнул её. Выбежал за ворота и бросился к соседской калитке. Сидящие у дома напротив на лавочке старушки, испуганно сжались. Он же, разъярённый, зло пнул ногой в ворота. Они распахнулись. Зоя только что пришла в пригон доить корову. Бросилась к воротам. И наткнулась на взбешенный взгляд соседа. Он поднял ружьё.

- Надоела, с... , со своими курами! Убью! – прошипел он.

- Что ты, Вася? – отпрянула Зоя.

Но он уже нажал на спусковой курок. От грохнувшего выстрела старушки вмиг, крестясь, бросились с лавочки в ограду. А Зоя, не успев ничего сообразить, опустилась на землю... Васька повернулся и зашагал к своей калитке. Дома он поднял телефонную трубку и набрал «02».

В сентябре Марина заболела. Ранняя осень стояла удивительно красивой и тёплой. Белая берёзовая роща за околицей на пригорке золотом сияла в свете ласкового солнца. В синем небе – ни облачка. Только высоко клином тянутся журавли. Прощально и с грустью доносится их громкое «Кур – р – р- лы –ы – ы..., ку – р – р – л – лы..., кур – лы». И печалью на душе отзывается их гортанный крик. Летят дикие гуси да утки. Над посёлком пахнет дымом с огородов. В воздухе плывут тонкие паутинки. Осень....

Уж который день испытывала Марина недомогание. Чуть побаливала голова. Слабость и усталость не проходили. Хотелось спать, спать. Днём и ночью А вот есть совершенно не хотелось. Аппетита не было. Во рту присутствовал какой – то металлический привкус. Ни температуры, ни кашля, ни насморка. На третий день пропало обоняние. Совершенно никаких запахов. А это уже явный признак COVID ! Однако, верить в это Марина не хотела. Семья настаивала на необходимости вызвать «Скорую». Две недели боролась она с болезнью. И надеялась, что ей станет лучше. Но становилось лишь хуже. Самое паршивое было то, что она вообще перестала принимать пищу. Похудела. Наконец вызвать врача всё же пришлось. Взятый тест дал положительный результат.

Как её привезли в «Красную зону» запомнила плохо. Было тяжело. В палате находились уже две пациентки. Всего в отделении проходили лечение двадцать больных. Состояние некоторых было крайне тяжёлым.

Лишь к концу недели Марина почувствовала облегчение. Помаленьку вернулся аппетит, а потом стала ощущать запахи. Исследование показало - поражение лёгких на пятьдесят процентов. И она усердно принялась за дыхательную гимнастику: через определённые промежутки времени делала упражнения, трижды в день надувала воздушные шарик, старалась больше двигаться. И на второй неделе сумела победить коварный вирус. Болезнь стала отступать.

Хотя ещё долгое время после выписки она чувствовала слабость, одышку. Сергея опасность заболевания обошла стороной. Благо он сумел своевременно вакцинироваться.

- Привет! Девчонки изъявляют желание встретиться. Как ты?

Звонила Ольга Шубенко, бывшая когда – то давно Кошкиной. А упомянутыми «девчонками» являлись старые друзья детства Тайка и Ленка. Теперь уж их справедливее было назвать «старушками», всем по веьмому десятку отпечаталось, но в своём общении они по- прежнему оставались «девчонками». И было той дружбе более 65 лет! Время от времени встречались они. Как знать когда будет очередная их встреча.

- Да я не против! Когда? - ответила Марина.

- В среду в двенадцать, у меня. Давай подгребай! – озвучила Ольга.

- Ок эй! За мной, как обычно, салатик какой – нибудь и к чаю что – то.

- Ага. До встречи!

В назначенный день и час собрались за столом. Шумные, радостные, счастливые. А как иначе! Такие встречи были желанными, долгожданными. Можно посмеяться, пошутить, поделиться воспоминаниями и поднять тост за встречу, дружбу, за тех, кого нет в этом мире рядом. Опустило за столом Танюхино место. Далеко, в других точках Земли живут Светлана и Аннушка. А вот они, вчетвером, имеют шикарную возможность спешить на эти тёплые дружеские встречи. Вот и сегодня без умолку тараторят. Потом будут воспоминания, зазвучат песни далёкой молодости...

Вечером каждая вызовет такси, и они распрощаются до новой встречи. Останется лишь регулярное общение по телефону.

Годы. Как быстро они пролетели. Отзвенели весенней капелью, отгорели летними закатами, осыпались осенним золотом берёз, отмели белыми метелями, да пушистым снегопадом.